ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СЕГЕРСТЕДТ-ВИБЕРГ И ДРУГИЕ ЗАЯВИТЕЛИ ПРОТИВ ШВЕЦИИ»* [SEGERSTEDT-WIBERG AND OTHERS V. SWEDEN]

(жалоба № 62332/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

6 июня 2006 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

Постановление вступило в силу 6 сентября 2006 г.

По делу «Сегерстедт-Виберг и другие заявители против Швеции»

Европейский Суд по правам человека[1] (Вторая Секция) в ходе заседания Палаты в составе:

г-на Ж.-П. Коста, *Председателя Палаты,*
г-на А.Б. Бака,
г-на И. Кабрал Баррето,
г-жи А. Муларони,
г-жи Э. Фура-Сандстрём,
г-жи Д. Йочиенэ,
г-на Д. Поповича, *судей,*
и г-жи С. Долле, *Секретаря Секции Суда,*

проведя 20 сентября 2005 г. и 16 мая 2006 г. совещания за закрытыми дверями, вынес 16 мая 2006 г. следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 62332/00) против Королевства Швеция, которую 7 октября 2000 г. подали в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) пять подданных Швеции: (1) г-жа Ингрид Сегерстедт-Виберг, 1911 года рождения, (2) г-н Пер Нигрен, 1948 года рождения, (3) г-н Стаффан Эхнебом, 1952 года рождения, (4) г-н Бенгт Фрейд, 1948 года рождения, и (5) г-н Герман Шмид, 1939 года рождения (*далее* — заявители).

2. Интересы заявителей представлял в Европейском Суде г-н Д. Теллборг — преподаватель права, имеющий юридическую практику в г. Вестра Фрелунда, пригороде г. Гётеборга. Власти Швеции (*далее* — государство-ответчик) были представлены в Суде Уполномоченным Королевства Швеция при Европейском Суде по правам человека г-ном К.Х. Эхренкроном, сотрудником Министерства иностранных дел Королевства Швеции.

3. Заявители утверждают, в частности, что хранение в полиции государственной безопасности Швеции[2] определенной информации, которая была им предоставлена для ознакомления, является необоснованным вмешательством государства в реализацию их права на уважение личной жизни, охраняемого статьей 8 Конвенции. Ссылаясь на эту статью Конвенции, они жалуются в Европейский Суд на отказ предоставить им полные сведения о том, какой именно информацией о них располагает полиция безопасности. Заявители также основывают свою жалобу на положениях статьи 10 и статьи 11 Конвенции. Кроме того, они утверждают, что власти государства-ответчика нарушили требования статьи 13 Конвенции, так как в шведском законодательстве не существует эффективного средства правовой защиты в связи с указанными выше нарушениями их прав.

4. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). Внутри этой Секции на основании пункта 1 правила 26 Регламента Европейского Суда была образована Палата для рассмотрения настоящего дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

5. 1 ноября 2004 г. Европейский Суд изменил состав своих секций (пункт 1 правила 25 Регламента Европейского Суда). Дело было передано во вновь образованную Вторую Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда).

6. Решением от 20 сентября 2005 г. Европейский Суд объявил жалобу частично приемлемой.

7. Поскольку после консультаций со сторонами Палата вынесла решение о том, что проведение слушаний по существу дела не требуется (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда, положение в конце пункта), заявители и государство-ответчик в письменной форме представили в Европейский Суд ответы на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Настоящую жалобу подали в Европейский Суд пять заявителей: (1) г-жа Ингрид Сегерстедт-Виберг, 1911 года рождения, (2) г-н Пер Нигрен, 1948 года рождения, (3) г-н Стаффан Эхнебом, 1952 года рождения, (4) г-н Бенгт Фрейд, 1948 года рождения, и (5) г-н Герман Шмид, 1939 года рождения. Все заявители — подданные Швеции. Первая заявительница проживает в г. Гётеборге,

* **По делу пятеро заявителей, связанных с политическими партиями левой ориентации, а именно либеральной и коммунистической партиями, жаловались в Европейский Суд на то, что сбор и хранение информации о них в полиции государственной безопасности, отчасти предоставленной им для ознакомления, отказ разрешить им доступ к информации в полном объеме и отрицательные последствия, которые для их карьеры имело хранение такой информации в полиции безопасности, нарушили их право на уважение их частной жизни; они также жаловались на то, что эти обстоятельства повлекли за собой ограничение их политических свобод, гарантируемых положениями статей 10 и 11 Конвенции, равно как и нарушение требований статьи 13 Конвенции о гарантиях возможности воспользоваться эффективными средствами правовой защиты. В постановлении подробно описывается порядок сбора, обработки и хранения информации в делах оперативного учета полиции безопасности Швеции. Европейский Суд в выборочном порядке признал факты нарушений указанных статей Конвенции и присудил выплатить заявителям суммы компенсации за причиненный им моральный вред (*примечание редакции*).**

[1] Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

[2] Далее — полиция безопасности (*примечание редакции*).

второй заявитель — в г. Кунгсбакка, третий заявитель и четвертый заявитель — в г. Вестра Фрелунда, пригороде г. Гётеборга (Швеция). Пятый заявитель проживает в г. Копенгагене (Дания).

A. События, имеющие отношение к первой заявительнице, г-же Ингрид Сегерстедт-Виберг

9. Первая заявительница, г-жа Ингрид Сегерстедт-Виберг — дочь г-на Торгни Сегерстедта, известного издателя и активного участника антифашистского движения. С 1958 по 1970 год она была членом Риксдага (парламента Швеции) от партии либералов, заседая в постоянном комитете Риксдага по конституционным вопросам [*konstitutionsutskottet*]. Она также возглавляет Шведскую ассоциацию содействия ООН. Г-жа И. Сегерстедт-Виберг играет заметную роль в политической и культурной жизни Швеции.

10. 22 апреля 1998 г. первая заявительница, ссылаясь на статью 9A шведского Закона «О документировании оперативно-розыскной деятельности» [*lag om polisregister m.m.,* 1965:94), обратилась с ходатайством в Министерство юстиции Швеции с требованием предоставить ей доступ к касающейся ее информации, которая хранилась в полиции безопасности. Она утверждала, что ей стали известны некоторые сведения, которыми располагала дипломатическая служба Соединенных Штатов Америки. Из них следовало, что со времен Второй мировой войны за ней и за некоторыми другими лицами в течение длительного времени велось наблюдение, в частности, в связи с ее работой в Ассоциации содействия ООН Западной Швеции. Сведения, о которых идет речь, поступили из Швеции. США, по-видимому, сообщили их другим государствам с целью нанести ущерб ей лично и ее работе по защите беженцев. Она также указала на факт распространения слухов о ее политической «неблагонадежности» в связи с ее отношением к Советскому Союзу. Эти слухи появились во время выборов в Риксдаг 1956 года, но не помешали ей два года спустя вновь стать членом парламента и заседать в постоянном комитете Риксдага по конституционным вопросам.

Решением от 17 июня 1998 г. Министерство юстиции Швеции отклонило ходатайство первой заявительницы, вновь отметив, что режим полной секретности действует не только по отношению к оперативно-служебным документам полиции безопасности, но и по отношению к информации о том, упоминается в них человек или нет. Государство не сочло, что причины, которые привела первая заявительница, ссылаясь на статью 9A Закона «О документировании оперативно-розыскной деятельности», могли являться особыми основаниями для отступления от требований режима полной секретности.

К отказу прилагалось письмо, подписанное Министром юстиции Швеции, в котором указывалось, что ни ранее предоставленные первой заявительнице материалы, из которых следовало, что за ней велось негласное наблюдение, ни давность любой информации подобного рода (от 40 до 50 лет) не могут являться особыми основаниями для несоблюдения предписаний, содержащихся в статье 9A Закона «О документировании оперативно-розыскной деятельности». Кроме того, Министр юстиции заявил:

> «Как вы, может быть, знаете, некоторое время тому назад правительство Швеции внесло в Риксдаг предложение, направленное на предоставление общественности более широкого доступа к оперативно-служебным документам полиции безопасности. Вам, возможно, интересно будет узнать, что несколько недель назад Риксдаг принял законопроект об отмене режима полной секретности. Этот законопроект предусматривает, что полиция безопасности должна определять необходимость соблюдения режима секретности отдельно в каждом конкретном случае, а это открывает физическим лицам новые возможности для ознакомления с документами, которые сегодня полностью засекречены. Прежде всего, предполагается открыть доступ к материалам исторического характера».

11. 28 апреля 1999 г., после того, как 1 апреля 1999 г. были внесены поправки в часть 2 статьи 1 главы 5 Закона 1980 года «О режиме секретности» [*sekretesslagen*, 1980:100], первая заявительница вновь обратилась с ходатайством в полицию безопасности. Она просила сообщить ей, фигурирует ли ее имя в оперативно-служебных документах полиции безопасности.

17 сентября 1999 г. полиция безопасности решила предоставить первой заявительнице разрешение на ознакомление с «17 страницами материалов, которыми располагает полиция безопасности, за исключением информации о кадровом составе полиции безопасности и о внутреннем [режиме секретности] в полиции безопасности». В остальной части ходатайство заявительницы было отклонено согласно части 2 статьи 1 главы 5 Закона 1980 года «О режиме секретности» на основании того, что дополнительную «информацию нельзя рассекретить, не подвергая опасности цели уже проведенных или запланированных мероприятий и не причиняя ущерба будущим операциям».

4 октября 1999 г. первая заявительница пришла в отделение полиции безопасности в г. Стокгольме для того, чтобы ознакомиться с информацией, о которой идет речь. Эта информация касалась трех взрывных устройств, посланных в 1990 году по почте в «Радио Швеция» [*Sveriges Radio*] (Национальная радиовещательная компания Швеции) в ее адрес и в адрес еще одного известного писателя (Хагге Гейгерта) в связи с их неприятием нацизма и ксенофобии и поддержкой гуманного обращения с беженцами в соответствии с ратифицированными Швецией международными договорами. Полиция безопасности собрала несколько полицейских отчетов, фотографий и газетных вырезок и пришла к выводу, что подозрение, согласно которому за отправлением по почте этих взрывных устройств стоит некая организация, не подтвердилось. Это было всё, с чем первой заявительнице позволили ознакомиться.

12. 8 октября 1999 г. первая заявительница обратилась в Апелляционный административный суд [*kammarrätten*] в г. Стокгольме[1] с просьбой разрешить ей в полном объеме ознакомиться с заведенным на нее делом оперативного учета, а также с иной касающейся ее оперативной информацией, которой располагала полиция безопасности. Решением от 11 февраля 2000 г. суд отклонил ее просьбу. В мотивировочной части решения суда было сказано следующее:

> «Апелляционный административный суд считает: помимо выводов, вытекающих из уже предоставленных [заявительнице] документов, неясно, можно ли было рассекретить информацию о том, располагает полиция безопасности сведениями [о первой заявительнице] в отношении видов деятельности, регламентированных частью 2 статьи 1 главы 5, или нет, не подвергая опасности цели уже проведенных или запланированных мероприятий и не причиняя ущерба будущим операциям».

[1] В Швеции действуют четыре административных апелляционных суда (в гг. Гётеборге, Йёнчёпинге, Стокгольме и Сундсвалле). Они рассматривают жалобы на решения нижестоящих административных судов, а также разбирают по первой инстанции жалобы на решения ряда административных органов (*примечание редакции*).

13. 28 февраля 2000 г. первая заявительница обжаловала указанное решение в Верховный административный суд Швеции [*Regeringsrätten*][1]. По ее утверждениям, отклонение ее просьбы создало у нее впечатление, что она обвиняется в причастности к совершению преступлений. Для того чтобы опровергнуть эти обвинения, она попросила разрешить ей ознакомиться со всеми касающимися ее делами оперативного учета.

10 мая 2000 г. Верховный административный суд Швеции запретил первой заявительнице обжаловать решение, о котором идет речь.

14. В ходе разбирательства дела в Европейском Суде государство-ответчик представило следующую дополнительную информацию.

Впервые первая заявительница попала в поле зрения полиции безопасности в 1940 году. Полиция безопасности заинтересовалась ей потому, что в отношении людей, с которыми она общалась, в ходе войны в Европе полиция безопасности на законных основаниях проводила оперативно-розыскные мероприятия. В соответствии с действовавшим в то время законодательством заведенное на нее дело оперативного учета пополнялось новыми материалами вплоть до 1976 года — частично по независимым основаниям, частично с целью дополнить ранее поступившую информацию.

С 1940 по 1976 год сведения и документы, касающиеся первой заявительницы, накапливались в использовавшейся в то время информационной системе. Эти документы были пересняты на микрофильмы, однако с 1976 года материалы, имеющие к ней отношение, не микрофильмировались. Вероятно, документы, содержащиеся в заведенном на нее деле оперативного учета, были уничтожены еще до 1999 года. Тем не менее, хотя и сохранились резервные копии микрофиш, на практике они были недоступны без отметки об их «дезактивации».

В 1980—1982 гг. была введена в действие новая информационная система. Поскольку первой заявительнице в 1990 году угрожали применением взрывных устройств, в новой информационной системе на нее было заведено новое дело оперативного учета. Оно включало в себя ссылку на предыдущее дело, содержащееся в старой информационной системе, и номер микрофильма, требующийся для поиска микрофиши. Полиция безопасности также собрала о первой заявительнице некоторую новую информацию. Дело оперативного учета 1990 года также было удалено из информационной системы. Его не уничтожили, а передали в Государственный архив Швеции.

В 2001 году полиция безопасности снова получила информацию о первой заявительнице, на этот раз в связи с новым инцидентом, который можно было считать направленной против нее угрозой.

13 декабря 2002 г. полиция безопасности по своей собственной инициативе приняла решение рассекретить всю информацию, которой она располагала о заявительнице до 1976 года, общим объемом 51 страница. В Европейский Суд не было представлено ни копий этих документов, ни подробного отчета о конкретном их содержании.

B. События, имеющие отношение ко второму заявителю, г-ну Пер Нигрену

15. Второй заявитель, г-н Пер Нигрен — известный журналист, работающий в одной из крупнейших ежедневных газет в Швеции «Гётеборг-постен» [*Göteborgs-Posten*]. Он автор множества опубликованных в этой газете материалов о нацизме и о полиции безопасности, которые вызвали широкий общественный резонанс.

16. 27 апреля 1998 г. полиция безопасности отклонила ходатайство заявителя о предоставлении доступа к ее ежеквартальным отчетам о деятельности коммунистов и нацистов с 1969 по 1998 год и отказалась сообщить ему информацию о том, какие именно органы власти получили эти отчеты.

17. В письме от 7 июня 1999 г., адресованном полиции безопасности, второй заявитель утверждал, что, получив один из ежеквартальных отчетов от полиции в г. Карлскруна [*Karlskrona*], он узнал, что им интересовалась полиция безопасности, и поэтому хочет «прочитать заведенное на него дело оперативного учета и все остальные находящиеся в распоряжении [полиции безопасности] документы, в которых может упоминаться [его] имя». Кроме того, второй заявитель, следуя желанию своего недавно скончавшегося отца, подал аналогичное ходатайство в интересах последнего.

Решением от 11 ноября 1999 г. полиция безопасности частично удовлетворила ходатайство заявителя, сообщив, что она не располагает оперативной информацией о его отце; в остальной же части ходатайство заявителя было отклонено. В решении полиции безопасности было сказано следующее:

> «С 1 апреля 1999 г. порядок обработки полицией безопасности персональных данных, подобных тем, которые упоминаются в вашем ходатайстве, регулируется прежде всего Законом «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» (1998:622).
>
> Согласно части 2 статьи 1 главы 5 Закона «О режиме секретности» (1980:100), секретной является информация, которая касается негласных оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных статьей 3 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции», или к информации, которая каким-то иным образом относится к задаче полиции безопасности предупреждать или выявлять преступления против безопасности Королевства или предупреждать терроризм, если неясно, можно ли рассекретить эту информацию, не подвергая опасности цели уже проведенных или запланированных мероприятий и не причиняя ущерба будущим операциям. Подразумеваемым отправным пунктом является установка на применение режима секретности в качестве главного правила независимо от того, какого рода информация, например, содержатся в деле оперативного учета или получены в результате проведения предварительного следствия или негласных оперативно-розыскных мероприятий.
>
> В материалах, отражающих историю разработки соответствующей статьи Закона «О режиме секретности» [*prop. 1997/98:97*, стр. 68], указано, что даже информация о том, упоминается ли человек в оперативно-служебных документах, не подлежит разглашению согласно статье 1 главы 5 Закона «О режиме секретности». Далее, там указано, что ввиду характера негласных оперативно-розыскных мероприятий вопрос о рассекречивании информации может возникнуть лишь в особых обстоятельствах. Если такие обстоятельства отсутствуют, то в соответствии с этими материалами правительство считает, что даже информация об отсутствии упоминаний о человеке в оперативно-служебных документах не подлежит разглашению согласно указанному Закону.
>
> В данном случае, по мнению полиции безопасности, <…> тот факт, что ваш отец родился в 1920 году и недавно скон-

[1] Верховный административный суд возглавляет систему учреждений административной юстиции в Швеции. Его основной функцией является рассмотрение жалоб на решения, вынесенные нижестоящими административными судами, но производство по делу начинается в нем лишь в том случае, если соответствующая коллегия сочтет это целесообразным (*примечание редакции*).

чался, удовлетворяет условиям, при соблюдении которых информация о том, что человек не упоминается в оперативно-служебных документах, может быть предана гласности.

В той части, которая касается вас лично, ваше ходатайство отклонено по причинам, указанным в соответствующих статьях Закона «О режиме секретности» и в документах, отражающих историю его разработки».

По мнению второго заявителя, указанные выше основания отклонения его ходатайства о предоставлении ему оперативной информации, касающейся его самого, ничем не отличались от оснований, по которым были отклонены все остальные ходатайства подобного рода.

18. В своих состязательных бумагах, представленных в Европейский Суд, государство-ответчик указало, что на момент вынесения решения полиции безопасности от 11 ноября 1999 г. найти дело оперативного учета, заведенное на второго заявителя, не представлялось возможным, поскольку в связи с отчетом, о котором идет речь, персональные данные о нем в информационную систему не заносились.

19. 25 ноября 1999 г. второй заявитель обжаловал это решение в Апелляционный административный суд в г. Стокгольме. Он просил разрешить ему ознакомиться с заведенным на него делом оперативного учета и со всей остальной информацией, собранной на него полицией безопасности. Он ссылался на некоторые письменные доказательства того, что полиция безопасности располагала сведениями о нем, упоминая, в частности, страницу 7 секретного доклада, датированного третьим кварталом 1967 года и подготовленного отделом [*byrå*] A полиции безопасности. Незадолго до того этот доклад был обнародован полицией г. Карлскруна. Он назывался «Обзор мероприятий, проводившихся коммунистами и нацистами в Швеции с июля по сентябрь 1967 года». На странице 7 этого доклада было сказано следующее:

«18—20 сентября в г. Варшаве был проведен митинг в рамках ВФДМ (Всемирной федерации демократической молодежи [*Demokratisk Ungdoms Världsfederation*]). Некий юноша (возможно, [это был] г-н Пер Руне Нигрен из г. Эребру) участвовал в нем в качестве представителя от ВФМ (Всемирного фестиваля молодежи [*Världsungdomsfestivalen*])».

Второй заявитель просил, в частности, предоставить ему доступ к ежеквартальным отчетам полиции безопасности с 1969 по 1998 год, а также к сведениям о том, каким именно органам власти они рассылались. Он подчеркивал, что он никогда не привлекался к уголовной ответственности, не обвинялся в совершении преступлений, никогда не принимал участия в какой-либо нелегальной, антигосударственной или террористической деятельности, и его никогда не ставили в известность о том, что он подозревается в совершении какого-либо преступления. Поэтому отказ предоставить ему полный доступ к делам оперативного учета не мог быть обоснован. Необходимо было уравновесить желание полиции безопасности не предавать свою работу гласности и его интерес в выяснении того, в какой степени были нарушены его права, не только с помощью усилий полиции безопасности по сбору касающейся его информации, но и посредством рассекречивания собранных ей материалов.

20. В соответствии с обычно принятой в таких случаях процедурой поданная вторым заявителем жалоба была доведена до сведения полиции безопасности. После этого полиция безопасности 20 декабря 1999 г. решила рассекретить те самые две страницы доклада 1967 года, о которых было сказано выше. Полиция безопасности попрежнему отказывалась удовлетворить остальные требования, которые содержались в ходатайстве, первоначально поданном вторым заявителем. Доводы, приведенные в обоснование этого решения, по большей части совпадали с доводами, на которых основывалось первое решение, со следующим дополнением:

«В полиции безопасности хранится множество документов, содержащих информацию по разным вопросам и касающихся различных физических лиц. Факт наличия этих документов в полиции безопасности не означает, что все содержащиеся в них сведения внесены в информационную систему и, следовательно, доступны для поиска. Данные, которые не внесены в информационную систему, могут быть найдены лишь в случае предоставления подробных сведений о документе, в котором они содержатся. Поскольку вы нам такие сведения предоставили, мы смогли найти затребованный вами документ».

После того, как второй заявитель получил указанное выше решение, он разговаривал по телефону с г-жой Терезой Матссон, сотрудницей полиции безопасности (на решении от 27 апреля 1998 г. стояла ее подпись). Как утверждает заявитель, она объяснила, что при обработке ходатайств, подобных его собственному, подтверждается существование лишь тех документов, которые можно обнаружить методом компьютерного поиска. Именно поэтому полиция безопасности полностью отклонила первоначально поданное заявителем ходатайство и предоставила ему доступ к двум страницам доклада 1967 года.

Окончание следует.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО

«СЕГЕРСТЕДТ-ВИБЕРГ И ДРУГИЕ ЗАЯВИТЕЛИ ПРОТИВ ШВЕЦИИ»*

[SEGERSTEDT-WIBERG AND OTHERS V. SWEDEN]

(жалоба № 62332/00)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

6 июня 2006 г.

(*окончание, начало см. в № 6 журнала за 2007 год*)

21. В своей жалобе, поданной в Апелляционный административный суд, заявитель указал, что из вышеупомянутого телефонного разговора следовало: во-первых, с 1969 года было уничтожено несколько сотен тысяч дел оперативного учета, заведенных полицией безопасности. Во-вторых, информация о лицах, дела оперативного учета которых были удалены из информационной системы, все еще хранилась в полиции безопасности, но ее нельзя было найти по именам этих лиц или по индивидуальным номерам заведенных на них дел оперативного учета. В-третьих, от удаленных документов остались лишь так называемые «списки подлежащей уничтожению информации», в которых содержались имена нескольких сотен тысяч человек. Второй заявитель жаловался на то, что полиция безопасности не просмотрела эти списки (предполагая, что соответствующие дела оперативного учета к тому времени уже не существовали).

14 февраля 2000 г. Апелляционный административный суд отклонил жалобу второго заявителя по всем пунктам, в общем, по тем же основаниям, на которые ссылалась полиция безопасности, добавив от себя следующие соображения:

> «В связи с введением [статьи 3 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции»] правительство заявляет, что даже информация о том, упоминается ли человек в оперативно-служебных документах, имеет такой характер, что представляется возможным не разглашать ее в силу указанной статьи [*prop. 1997/98:97*, стр. 68]. Согласно правительственному законопроекту, причина этого заключается в следующем. Лицо, причастное к совершению преступления, может быть серьезно заинтересовано в том, чтобы знать, располагает полиция оперативной информацией о нем или нет. В таком случае сообщение лицу о том, интересуется ли им полиция, может нанести большой ущерб следствию. Поэтому важно, чтобы благодаря решению по ходатайству о предоставлении каких-либо сведений лицо не могло узнать о том, располагает полиция оперативной информацией о нем или нет. Характер негласной оперативно-розыскной деятельности таков, что рассекречивание информации допускается лишь в особых случаях.
>
> Апелляционный административный суд считает неясным, можно ли предать гласности информацию о том, проводились полицией безопасности оперативно-розыскные мероприятия в отношении [второго заявителя] или нет (за исключением сведений, вытекающих из предоставленных ему документов), на которую распространяется действие части 2 статьи 1 главы 5 Закона «О режиме секретности», не подвергая опасности цели уже проведенных или запланированных мероприятий и не причиняя ущерба будущим операциям».

22. 25 июля 2000 г. Верховный административный суд Швеции отказал второму заявителю в разрешении обжаловать указанное решение Апелляционного административного суда.

С. События, имеющие отношение к третьему заявителю, г-ну Стаффану Эхнебому

23. Третий заявитель, г-н Стаффан Эхнебом, с 1978 года является членом Коммунистической марксистско-ленинской (революционной) партии Швеции [*Kommunistiska Partiet Marxist-Leninisterna*] (*далее* — КМЛП (р)), созданной в 1970 году. Он инженер и с 1976 года работает в группе компаний «Эрикссон» [*Ericsson*].

24. 10 апреля 1999 г., после того, как 1 апреля 1999 г. был отменен режим полной секретности в отношении оперативной информации, которой располагает полиция безопасности, третий заявитель обратился в полицию безопасности с просьбой дать ему возможность ознакомиться со всеми делами оперативного учета, которые могли быть на него заведены. Решением от 17 ноября 1999 г. полиция безопасности предоставила ему доступ к тридцати страницам, причем с двумя страницами можно было ознакомиться лишь в отделении полиции безопасности, и их нельзя было копировать с использованием технических средств. Копии остальных двадцати восьми страниц были высланы на домашний адрес заявителя. Двадцать пять страниц из двадцати восьми занимало решение омбудсмена юстиции[1] по упомянутому выше вопросу, а на трех оставшихся страницах размещались копии газетных и журнальных статей, две из которых касались заявителя, а третья, не упоминая его имени, содержала объявление из газеты «Пролетаарен» [*Proletären*] о предстоящем съезде КМЛП (р) 1993 года. Таким образом, все двадцать пять страниц содержали общедоступные, не засекреченные материалы. Две страницы, с которыми разрешили ознакомиться третьему заявителю в отделении полиции безопасности, касались

По делу пятеро заявителей, связанных с политическими партиями левой ориентации, а именно либеральной и коммунистической партиями, жаловались в Европейский Суд на то, что сбор и хранение информации о них в полиции государственной безопасности, отчасти предоставленной им для ознакомления, отказ разрешить им доступ к информации в полном объеме и отрицательные последствия, которые для их карьеры имело хранение такой информации в полиции безопасности, нарушили их право на уважение их частной жизни; они также жаловались на то, что эти обстоятельства повлекли за собой ограничение их политических свобод, гарантируемых положениями статей 10 и 11 Конвенции, равно как и нарушение требований статьи 13 Конвенции о гарантиях возможности воспользоваться эффективными средствами правовой защиты. В постановлении подробно описывается порядок сбора, обработки и хранения информации в делах оперативного учета полиции безопасности Швеции. Европейский Суд в выборочном порядке признал факты нарушений указанных статей Конвенции и присудил выплатить заявителям суммы компенсации за причиненный им моральный вред *(примечание редакции).*

[1] Со времени конституционных реформ 1809 года в Швеции существует должность омбудсмена юстиции — уполномоченного Риксдага, надзирающего за отправлением правосудия и за соблюдением законодательства должностными лицами и государственными учреждениями Швеции (*примечание редакции*).

двух проверок заявителя на благонадежность, начиная с 1980 года. Это были копии формуляров, используемых Управлением материально-технического обеспечения Вооруженных сил Швеции [*Försvarets Materialverk, FMV]* — государственным органом, отвечающим за поставки оборудования для шведской армии, с которым сотрудничала группа компаний «Эрикссон», — для того, чтобы ходатайствовать о проведении кадровой проверки (теперь это называется проверкой оперативных данных) в отношении третьего заявителя. В оперативно-служебных документах содержался полностью следующий текст:

> «В сентябре 1979 года было обнаружено, что [ТРЕТИЙ ЗАЯВИТЕЛЬ] являлся (является) членом Фрелундской ячейки КМЛП (р) в г. Гётеборге. В это время он общался с ведущими членами КМЛП (р) по поводу партийного митинга на центральной площади г. Фрелунда».

25. Третий заявитель утверждает, что вышеуказанная информация о его членстве в КМЛП (р) явилась истинной причиной того, что Управление материально-технического обеспечения Вооруженных сил Швеции потребовало уволить его с работы, хотя все причастные к делу официальные органы будут это отрицать. Он обращает внимание на то, что КМЛП (р) — официально зарегистрированная политическая партия, действующая на законных основаниях и принимавшая участие в выборах.

26. 24 ноября 1999 г. третий заявитель обжаловал решение полиции безопасности в Апелляционный административный суд, по-прежнему настаивая на ознакомлении со всеми касающимися его материалами, которыми может располагать полиция безопасности. Он утверждал, в частности, что из документов, которые были ему предоставлены, следует, что он представляет собой угрозу для безопасности страны в случае его допуска к государственным секретам. Решением от 14 февраля 2000 г. Апелляционный административный суд отклонил его жалобу по основаниям того же типа, что и в описанных выше случаях с первой заявительницей и со вторым заявителем.

27. 13 апреля 2000 г. Верховный административный суд Швеции отказал третьему заявителю в разрешении обжаловать указанное решение Апелляционного административного суда.

D. События, имеющие отношение к четвертому заявителю, г-ну Бенгту Фрейду

28. Четвертый заявитель, г-н Бенгт Фрейд, с 1972 года является членом КМЛП (р) и с 1974 года возглавляет спортивный клуб «Пролетаарен» [*Proletären FF*], насчитывающий около 900 членов. Он широко известен в спортивных кругах Швеции и ведет активную спортивно-воспитательную работу с детьми и молодежью как на национальном, так и на международном уровне в целях поощрения международной солидарности и содействия социальной интеграции через занятия спортом.

29. 23 января 1999 г. четвертый заявитель ходатайствовал о предоставлении ему касающейся его информации, которой располагала полиция безопасности. Он подозревал, что оперативный учет этой информации велся из-за его политических взглядов. 4 февраля 1999 г. полиция безопасности отклонила его ходатайство, ссылаясь на режим полной секретности.

30. После того как 1 апреля 1999 г. режим полной секретности был отменен, четвертый заявитель вновь ходатайствовал о предоставлении ему сведений, о которых идет речь. 8 февраля 2000 г. полиция безопасности разрешила четвертому заявителю ознакомиться с фрагментами заведенного на него дела оперативного учета.

Эти фрагменты включали в себя, во-первых, пятьдесят семь страниц газетных вырезок и различную информацию, касающуюся его самого, а также других спортсменов и руководителей спортивных организаций, их участия в конференциях, встречах и турнирах, а также о спорте и о поощрении социальной интеграции через занятия спортом, предполагающей, в частности, международные обмены и солидарность в сотрудничестве с АНК (Африканским национальным конгрессом) в Южной Африке. Была там и информация о широко освещавшемся в прессе спортивном проекте 1995 года, когда представители нескольких видов спорта, таких как баскетбол, футбол и гандбол, отправились из Швеции в Южную Африку с целью оказать помощь молодым людям в негритянских гетто. В деле упоминалось множество людей из шведских спортивных движений, с которыми встречался четвертый заявитель; многие из них не имели отношения ни к каким политическим организациям, например выдающийся деятель в области спорта Стефан Альбрехтсон, который сам находился под наблюдением полиции безопасности.

Далее, дело оперативного учета включало в себя множество записей, относящихся к спортивным организациям и событиям, таким как обращение ко всем спортивным клубам г. Гётеборга с требованием снизить взносы за использование спортивных площадок — документ, содержащий имена около сотни людей, включая четвертого заявителя, и в некоторых случаях их телефонные номера. Это обращение было приобщено к делу лишь в 1993 году. Также мог быть найден список участников весенней встречи гандбольной лиги г. Гётеборга.

Кроме вышеперечисленных материалов, 28 февраля 1999 г. четвертому заявителю был предоставлен доступ к двум страницам из заведенного на него дела оперативного учета с условием, что он ознакомится с ними в отделении полиции безопасности, и не будет снимать с них копии с использованием технических средств. Эти страницы содержали следующую информацию:

> «1 января 1973 г. Ф. является членом КМЛП (р) и вот уже полгода активно в ней работает. Он отвечает за пропаганду в Хегсбо-Йернброттской ячейке КМЛП (р), 4 марта 1975 г. Согласно статье в газете «Гётеборг тиднинген» [*Göteborgs Tidningen*] от 4 марта 1975 г., Ф. возглавляет спортивный клуб «Пролетаарен», 9 июня 1977 г. Согласно статье, опубликованной в газете «Стадсдеснитт/Ваастер» [Stadsdelsnytt/Väster], Ф. является одним из руководителей молодежной секции спортивного клуба «Пролетаарен», 6 сентября 1979 г. Ф. входит в избирательный список КМЛП (р) на муниципальных выборах в четвертом избирательном округе г. Гётеборга под номером 19. Не избран».

31. 1 марта 2000 г. четвертый заявитель обжаловал это решение в Апелляционный административный суд, требуя предоставить ему возможность в полном объеме ознакомиться с заведенным на него делом оперативного учета и со всеми остальными сведениями о нем, которыми могла располагать полиция безопасности. Он оспаривал право полиции безопасности хранить информацию, которая уже была ему предоставлена, и подчеркивал, что эта информация не давала никаких оснований видеть в нем угрозу безопасности.

12 мая 2000 г. Апелляционный административный суд отклонил поданную четвертым заявителем жалобу, ссылаясь, в основном, на те же основания, что и в решениях, касающихся первой заявительницы, второго заявителя и третьего заявителя.

32. 29 августа 2000 г. Верховный административный суд Швеции отказал четвертому заявителю в разрешении обжаловать указанное решение Апелляционного административного суда.

E. События, имеющие отношение к пятому заявителю, г-ну Герману Шмиду

33. Пятый заявитель, г-н Герман Шмид, с 1999 по 2004 год являлся членом Европейского Парламента и входил в Конфедеральную группу европейских объединённых левых и зеленых левых северных. Он представлял в Европейском Парламенте Левую партию Швеции [*Vänsterpartiet*].

34. 9 декабря 1997 г. пятый заявитель ходатайствовал перед Министерством обороны Швеции о получении доступа к делам оперативного учета и ко всем сведениям о нем, которыми могла располагать полиция безопасности. 20 января 1998 г. Министерство обороны сообщило ему, что его запрос передан для принятия решения в Управление Вооруженных сил Швеции [*Försvarsmakten*]. В тот же день пятому заявителю сообщили о другом решении правительства о снятии грифа секретности с некоторых сведений, содержащихся в Приложении «B» к докладу «Служба военной разведки. Часть 2» [*Den militära underrättelsetjänsten. Del 2*]. В этом исследовании, к которому ранее получали доступ два журналиста, было сказано:

> «Один документ <…> содержит информацию о том, что в число преподавателей, имена которых указаны в учебной программе Образовательной ассоциации трудящихся [*Arbetarnas Bildningsförbund*] г. Мальмё за осень 1968 года, входят социологи Шмид и Карин Адамек. Там сказано, что ранее оба они по различным поводам попадали в поле зрения компетентных органов».

19 марта 1998 г. Главное управление полиции Швеции отправило пятому заявителю и неустановленному количеству других лиц, ходатайствовавших о предоставлении им оперативной информации, копии письма, в котором говорилось, что их ходатайства были отклонены.

35. 29 октября 1999 г. полиция безопасности приняла новое решение о предоставлении пятому заявителю доступа к «восьми страницам материалов, хранящихся в полиции безопасности, за исключением информации о кадровом составе полиции безопасности и <…> внутреннем режиме секретности» при условии, что ознакомление с этими документами будет происходить в отделении полиции безопасности и с них не будут сниматься копии с использованием технических средств. В части, касающейся всех остальных сведений, полиция безопасности вновь решила отклонить поданное им ходатайство, подкрепив это решение следующими стандартными рассуждениями:

> «Все сведения о том, упоминаетесь ли вы в других делах оперативного учета по безопасности, хранящихся в полиции безопасности, являются секретными согласно части 2 статьи 1 главы 5 Закона «О режиме секретности». Соответственно, эти сведения нельзя предать гласности, не подвергая опасности цели уже проведенных или запланированных мероприятий и не причиняя ущерба будущим операциям».

В тот же день, 29 октября 1999 г., пятый заявитель явился в отделение полиции безопасности в г. Мальмё для того, чтобы получить доступ к восьми страницам, о которых идет речь. Он прочитал вслух текст на каждой странице и записал себя на магнитофон, чтобы впоследствии воспроизвести содержание этих материалов письменно. Согласно представленной заявителем расшифровке, на касавшихся его документах стояли разные даты в диапазоне от 18 января 1963 г. до 21 октября 1975 г.

Вышеуказанные документы касались в основном политических вопросов, таких как участие в кампании по ядерному разоружению, в мероприятиях, проводившихся всеобщим движением сторонников мира, в том числе в публичных демонстрациях и в акциях, имеющих отношение к членству в Социально-демократической студенческой ассоциации. Согласно документу от 12 мая 1969 г. пятый заявитель придерживался крайне левых взглядов, выступал в пользу партизанской тактики в малых группах во время демонстраций и в случае необходимости предлагал прибегать к насилию для организации демонстраций и достижения их целей. Также в документах было несколько сообщений о поданных им заявках на участие в конкурсе на некоторые вакансии в университете и отчет, который он представил норвежской полиции, с его комментариями по поводу убийства гражданина Марокко г-на Бучики в г. Лиллехаммер 21 июля 1973 г. Наконец, в документах упоминалось открытие школы-интерната для взрослых [*folkhögskola*] в 1984 году, в котором пятый заявитель сыграл ключевую роль.

Со своей стороны, пятый заявитель оспаривал утверждение о том, что он выступал в поддержку насилия, говоря, что это совершенно не в его принципах. Он подчеркивал, что с 1960 года он играл активную роль в движении сторонников мира в Сконе[1] и, будучи известным пацифистом, несколько раз сидел в тюрьме в связи со своими сознательными выступлениями против военной службы.

36. 29 ноября 1999 г. заявитель обжаловал в Апелляционный административный суд отказ полиции безопасности предоставить ему доступ ко всей касающейся его оперативной информации. Он оспаривал право полиции безопасности хранить те сведения, которые были ему предоставлены. Решением от 15 мая 2000 г. эта жалоба была отклонена по тем же основаниям, что и в случае с остальными заявителями по настоящему делу.

37. 27 июня 2000 г. Верховный административный суд Швеции отказал пятому заявителю в разрешении обжаловать указанное решение Апелляционного административного суда.

F. Сведения о программе КМЛП (р)

38. Статья 1 программы КМЛП (р) гласит, что она является революционной партией трудящихся, цель которой заключается в полном изменении существующего общественного строя. Статья 4 подтверждает, что буржуазная власть в обществе защищается государством и опирается исключительно на его силовые органы, такие как полиция, армия, суды и тюрьмы, а также — в некоторой степени — частные охранные компании. Статья 22 предусматривает, что социалистическое изменение общества должно осуществляться вопреки законам и правилам буржуазного общества и что на переходный период будет установлена революционная диктатура пролетариата. Статья 23 заявляет, что формы социалистической революции определяются доминирующими конкретными условиями, но что буржуазия будет использовать все доступные ей средства для того, чтобы помешать становлению истинной власти народа, и, следовательно, революционные силы должны готовить себя к вооруженной борьбе. Согласно статье 28 социалистическая демократия не делает никакого различия между экономической и политической властью или между судебной и исполнительной властью, а подчиняет все функции общества влиянию трудящихся.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

39. Положения шведского законодательства, имеющие отношение к настоящему делу, содержатся в различных нормативно-правовых актах. Отправным пунктом являются

[1] Провинция в Швеции, центром которой является г. Мальмё (*примечание редакции*).

некоторые конституционно-правовые положения о свободе слова, свободе выражения мнений, а также о свободе объединения с другими, содержащиеся в конституционном законе Швеции «Форма правления» [*regeringsformen*][1]. Также это касается принципа свободы доступа к служебной документации, закрепленного в Ордонансе «О свободе печати» [*tryckfrihetsförordningen*], и ограничений этой свободы, предусмотренных Законом «О режиме секретности» [*sekretesslagen*] (1980:100). Порядок обработки полицией безопасности персональных данных определяется Законом «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» [*polisdatalagen*] (1998:602), вступившим в силу 1 апреля 1999 г., Ордонансом «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» [*polisdataförordningen*], также вступившим в силу 1 апреля 1999 г., Законом «О персональных данных» [*personuppgiftslagen*] (1998:204) и Ордонансом «О персональных данных» [*personuppgiftsförordningen*] (1998:1191).

A. Конституционно-правовые гарантии

40. Часть 1 статьи 1 главы 2 конституционного закона «Форма правления» гарантирует свободу формирования мнений, право выражать их и право присоединяться к другим в выражении таких мнений. Свободы и права, закрепленные в части 1 статьи 1 главы 2, могут быть ограничены законом в пределах, установленных статьями 13—16. Эти ограничения могут применяться лишь в тех целях, которые приемлемы для демократического общества. Ограничения никогда не могут выходить за пределы необходимого с учетом цели, которая вызвала эти ограничения, и не могут распространяться столь широко, чтобы создать угрозу свободному выражению мнений, являющемуся одним из принципов правления народа. Указанные ограничения не могут устанавливаться на основании политических, религиозных, культурных и иных подобных взглядов (статья 12 главы 2 конституционного закона «Форма правления»).

41. Согласно статье 13 главы 2 конституционного закона «Форма правления», свобода выражения мнений может быть ограничена, например, «в интересах безопасности Королевства». Однако во втором абзаце последнего положения сказано, что «[в] вопросе об ограничениях, которые могут применяться в соответствии с частью первой, должно также учитываться важное значение самой широкой свободы выражения мнений и свободы информации в политических, религиозных, профессиональных, научных и культурных сферах деятельности». Термин «безопасность Королевства» относится и к внешней, и к внутренней безопасности государства.

42. Из свободы объединения с другими допускается меньшее количество ограничений. Из статьи 14 главы 2 конституционного закона «Форма правления» следует, что она может быть ограничена «лишь в отношении объединений, деятельность которых носит военный или аналогичный характер либо нацелена на дискриминацию групп населения по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения».

43. Статья 3 главы 2 конституционного закона «Форма правления» предусматривает, что без согласия гражданина не допускается внесение во всеобщий реестр сведений о его политических взглядах. Этот запрет носит абсолютный характер.

44. Согласно статье 2 главы 2 Ордонанса «О свободе печати», каждый имеет право на доступ к служебной документации, если только в определенных областях этот доступ не ограничен законом.

B. Оперативно-розыскная деятельность по обеспечению государственной безопасности

45. Полиция безопасности является частью Национального совета по вопросам деятельности полиции [*Rikspolisstyrelsen*] и действует в четырех основных сферах. Три их них — защита конституционного строя, контрразведка и борьба с терроризмом — считаются сферами, в которых полиция безопасности занимается оперативно-розыскной деятельностью по обеспечению государственной безопасности. Четвертое направление деятельности полиции безопасности — осуществление охранных функций.

1. Правовые основания оперативного учета информации

46. Правовые основания оперативного учета информации, осуществлявшегося полицией безопасности до 1999 года, описаны в постановлении Европейского Суда по правам человека от 26 марта 1987 г. по делу «Леандер против Швеции» [*Leander v. Sweden*] (серия «А», № 116, стр. 12—13, § 19—22). С 1999 года этот вид деятельности регулируется Законом 1999 года «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» и соответствующим Ордонансом. Закон «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» является *lex specialis*[2] по отношению к Закону 1998 года «О персональных данных». Внутриведомственные правила [*arbetsordning*] полиции безопасности, которые закрыты в полном объеме, содержат более подробные инструкции по оперативному учету и использованию персональных данных.

47. Статья 5 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» (она называется «Обработка политически деликатных персональных данных») предусматривает следующее:

> «Персональные данные не могут подлежать обработке исключительно на основании сведений о расовой или национальной принадлежности лица, о его политических взглядах, религиозных или философских убеждениях, о членстве в профсоюзной организации, о состоянии здоровья или о сексуальной ориентации.
>
> Если обработка персональных данных осуществляется по иному основанию, эти данные могут быть дополнены подробностями, упомянутыми в части 1, если это строго необходимо для обеспечения целей обработки данных».

48. Статья 32 предусматривает следующее:

> «Полиция безопасности ведет архив [*SÄPO-registret*] в целях:
>
> 1. содействия расследованиям, направленным на предотвращение и раскрытие преступлений против национальной безопасности;
>
> 2. содействия расследованиям, направленным на борьбу с терроризмом, согласно статье 2 Закона; либо
>
> 3. обоснования проверок на благонадежность, предусмотренных Законом «О защите безопасности» [*säkerhetsskyddslagen*] (1996:627). Сотрудники полиции безопасности несут личную ответственность [*personuppgiftsansvarig*] за обработку хранящихся в архиве персональных данных.

49. Статья 33 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» предусматривает следующее:

---

[1] Конституционный закон Швеции «Форма правления» 1974 года и три других основных закона — Акт о престолонаследии 1810 года, Акт о свободе печати 1974 года и Основной закон о свободе выражения мнений 1991 года — образуют Конституцию Швеции (*примечание редакции*).

[2] Lex specialis (лат.) — специальный закон, специальная норма; принцип права: при расхождении общего и специального закона действует специальный закон. Lex specialis derogat generali — специальный закон отменяет действие [для данного дела] общего закона; специальная норма имеет преимущество над общей (*примечание редакции*).

«В архиве полиции безопасности могут храниться персональные данные лишь в случаях, когда:

1. лицо, которого касаются собранные сведения, подозревается в том, что оно принимало участие или намеревалось принять участие в совершении преступления, влекущего за собой угрозу национальной безопасности, или в терроризме;

2. в отношении лица, о котором идет речь, проводилась проверка на благонадежность согласно Закону «О защите безопасности»; или

3. с учетом цели, с которой ведется оперативный учет информации, для этого есть иные особые основания.

В архиве должны содержаться основания поступления оперативной информации. Правительство может давать дальнейшие указания относительно типа сведений, которые могут поступать в архив (закон 2003:157)».

Содержание понятия «особые основания» в части 3 статьи 33 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» комментировалось в процессе разработки этого закона (правительственный законопроект 1997/98:97, стр. 153—154 и стр. 177—178). В частности, в этих комментариях обращается внимание на следующее. Для того чтобы полиция безопасности могла выполнять задачи, возложенные на нее соответствующим законодательством, в некоторых случаях можно считать необходимым вести учет информации о лицах также по иным основаниям, нежели те, которые предусмотрены в части 1 и 2 статьи 33: например, сведения о том, что человек связан с другими людьми, информация о которых поступила в архив согласно части 1 и 2 статьи 33; люди, которые могут получать угрозы, и люди, которых может попытаться завербовать иностранная разведка. Для того чтобы полиция безопасности могла предотвращать и раскрывать преступления против национальной безопасности, необходимо отслеживать и выявлять потенциальные угрозы и попытки вербовки. Также у полиции безопасности должна быть возможность устанавливать связи между лицами, которые въезжают в Швецию, если до этого они принимали участие в проводимых оппозицией мероприятиях в своих родных странах. Кроме того, у полиции безопасности должна быть возможность вести оперативный учет информации о лицах, которые прибыли в Швецию по заданию иностранных недемократических режимов и перед которыми поставлена задача собирать информацию о своих согражданах. Необходимо постоянно обновлять сведения о таких информаторах. Также в этом контексте имеют значение сведения о контактах с расположенными в Швеции иностранными миссиями.

Как подчеркивает государство-ответчик, тот факт, что имя лица фигурирует в оперативно-служебных документах, не обязательно означает, что оно подозревается в совершении преступлений или в иной компрометирующей деятельности. Помимо тех примеров из материалов, отражающих историю разработки соответствующего закона, которые уже были приведены, государство-ответчик ссылается на следующие случаи:

— человек вступил в контакт с лицом, подозреваемым в совершении преступления;

— человек вступил в контакт с сотрудниками иностранной миссии;

— человек привлек к себе внимание иностранной разведки или используется этой разведкой;

— окружение человека привлекло к себе внимание иностранной разведки;

— человек используется организацией, деятельность которой расследуется в связи с угрозами безопасности;

— человек дал рекомендацию иностранному гражданину, обратившемуся за визой;

— человек вступил в контакт с полицией безопасности и предоставил ей информацию;

— с человеком вступила в контакт полиция безопасности.

Государство-ответчик заявляет, что информация о человеке, о котором идет речь, может потребоваться для того, чтобы получить представление об интересах общности (государства, организации или группы лиц), представляющей собой угрозу государственной безопасности Швеции, а также о степени серьезности и о нарастании этой угрозы.

50. Статья 34 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» предусматривает следующее:

«Архив полиции безопасности может содержать только следующую информацию:

— сведения, позволяющие установить лицо, о котором идет речь;

— сведения об основаниях занесения в архив соответствующих сведений; и

— ссылки на дела оперативного учета, в которых можно найти сведения о лице, информация о котором поступила в архив».

51. Согласно статье 3 Закона «О персональных данных», обработка информации личного характера включает в себя любую операцию или последовательность операций в отношении информации личного характера, независимо от того, проводятся ли эти операции в ручном или в автоматическом режиме. Примерами такой обработки являются сбор, ввод, сличение, хранение, обработка, использование, рассекречивание или уничтожение информации личного характера. Эта же статья понимает под информацией личного характера любые виды информации, которые прямо или косвенно относятся к ныне живущим физическим лицам. Закон «О персональных данных» применяется к частично или полностью автоматизированной обработке информации личного характера. Он также применяется к любым иным формам обработки персональных данных, если они являются или должны являться частью структурированного массива персональных данных, по которому можно вести поиск информации или осуществлять ее подборку в соответствии с определенными критериями (статья 5 Закона «О персональных данных»).

2. Оперативный учет информации и ведение дел оперативного учета

52. Оперативно-служебные документы, содержащие различные сведения, накапливаются в делах оперативного учета. В зависимости от содержания документа он может быть в случае необходимости приобщен к делу оперативного учета, заведенное на то или иное лицо, — к делу личного учета [*personakt*] или к так называемому «делу тематического учета» [*sakakt*]. Также он может быть приобщен к обоим видам дел оперативного учета.

53. Тематический учет информации с заведением дела тематического учета ведется в случае, когда необходимо на систематической основе производить сбор и выборку документов. Эти документы могут касаться дела или вопроса, по которому полиция безопасности обязана осуществлять надзор или должна дать отчет либо в связи с которым полиции безопасности требуется получить доступ к соответствующей информации по любому другому основанию. Дело тематического учета может быть заведено для сбора документов, касающихся взаимоотношений государств и организаций, а также для сбора документов определенного вида, например отчетов. Необходимо заметить, что ведение тематического учета как такового не означает, что

полиция безопасности располагает именами конкретных лиц, даже если они упоминаются в документах, содержащихся в деле тематического учета. Таким образом, поиск лица, имя которого фигурирует в деле тематического учета, невозможен, если только информация об этом лице не была занесена еще и в дело личного учета по независимым основаниям. Кроме того, имя лица, на которого было заведено дело личного учета, может фигурировать в деле тематического учета. В то же время поиск этого имени в деле тематического учета может и не дать результатов, если, например, имя, упоминающееся в деле тематического учета, не имеет значения для полиции безопасности.

3. Порядок изменения и уничтожения архивной информации

54. Совет по вопросам информационного контроля [*Datainspektionen*] следит за соблюдением Закона «О персональных данных» (в отличие от Совета по вопросам документационного обеспечения, который следит за соблюдением полицией безопасности Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции»). Совет по вопросам информационного контроля имеет право рассматривать жалобы, поданные физическими лицами, и, если он установит, что обработка информации личного характера ведется с нарушениями Закона «О персональных данных», он обязан привлечь внимание к этому факту и потребовать исправления сложившейся ситуации. Если после этого ситуация не изменится, Совет вправе под угрозой штрафа [*vite*] запретить оператору продолжать обработку этой информации любыми способами, разрешив только ее хранение (статья 45 Закона «О персональных данных»).

55. Совет по вопросам информационного контроля может обратиться в Административный суд лена[1] с ходатайством об издании приказа об удалении из информационной системы персональных данных, обработка которых осуществляется с нарушениями закона (статья 47 Закона «О персональных данных»).

4. Удаление оперативных данных из информационной системы

56. Оперативная информация, собранная о лице, которое подозревается в совершении или в склонности к совершению преступления, угрожающего национальной безопасности, или в терроризме, должна, как правило, храниться не более 10 лет с момента последнего поступления сведений об этом лице (статья 35 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции»). Это же относится и к информации, которая внесена в архив по иным особым основаниям, связанным с целями ее оперативного учета. Информация может храниться и дольше при наличии конкретных оснований для этого. Более подробные правила удаления оперативных данных из информационной системы содержатся в решениях и распоряжениях Государственного архива Швеции [*Riksarkivet*], а также во внутриведомственных правилах полиции безопасности. Все документы, изъятые из архива полиции безопасности, передаются в Государственный архив Швеции.

C. Доступ к служебной документации

57. Ограничения на доступ к служебной документации, действовавшие до 1 апреля 1999 г., подробно описаны в упомянутом выше постановлении Европейского Суда по делу «Леандер против Швеции» (§ 41—43). Таким образом, при доступе к сведениям, которыми располагает полиция безопасности, основным правилом, которое действовало до 1 апреля 1999 г., был режим полной секретности. Исключения допускались лишь для лиц, проводящих различные исследования. С 1 июля 1996 г. стало возможным освобождение [*dispens*] от обязательств, вытекающих из принципа полной секретности, в случаях, когда правительство придерживается мнения, что для отхода от основного правила полной секретности существуют чрезвычайные основания.

58. Режим полной секретности в отношении дел оперативного учета, хранящихся исключительно в полиции безопасности, был отменен путем внесения поправок в часть 2 статьи 1 главы 5 Закона «О режиме секретности» одновременно с принятием Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции», который вступил в силу 1 апреля 1999 г. Согласно новой редакции данного положения, информация об оперативно-розыскных мероприятиях, проводящихся полицией безопасности, которые упоминаются в статье 3 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции», или об оперативно-розыскных мероприятиях, которые относятся к деятельности полиции безопасности, направленной на предупреждение и расследование преступлений против национальной безопасности или предотвращение террористических актов, должна оставаться секретной. Однако если очевидно, что эту информацию можно рассекретить, не подвергая опасности цели уже проведенных или запланированных мероприятий и не причиняя ущерба будущим операциям, она должна быть предана гласности. Представляя в Риксдаг соответствующий законопроект, правительство подчеркивало: характер оперативно-розыскной деятельности таков, что сведения о ней могут быть рассекречены только в особых случаях. Оно резюмировало: в других случаях данные о том, что полиция безопасности не располагает оперативной информацией о лице, также останутся секретными (правительственный законопроект 1997/98:97, стр. 68).

1 марта 2003 г. в статью 1 главы 5 была добавлена четвертая часть, согласно которой, если человек обратится с соответствующим ходатайством, ему сообщат, можно ли найти информацию о нем в делах оперативного учета, заведенных полицией безопасности, вследствие поступления сведений о нем в соответствии с Ордонансом о кадровых проверках на благонадежность, который действовал до 1 июля 1996 г., или с более старыми подзаконными актами, имеющими отношение к этому вопросу. Тем не менее правительство по-прежнему придерживается мнения, что у полиции безопасности в принципе нет оснований разглашать сведения о том, располагает ли она какой-либо информацией о каком-то лице:

> «Правительство признаёт, что, когда полиция безопасности не дает четкого ответа, располагает она оперативной информацией о каком-то лице или нет, это может показаться неудовлетворительным. Однако в определенных случаях у полиции безопасности есть веские основания скрывать, располагает она сведениями о лице или нет. Эта позиция также прослеживается в материалах, отражающих историю разработки Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» (правительственный законопроект 1997/98:97 стр. 68), в которых указано, что лицо, причастное к совершению преступлений, может быть серьезно заинтересовано в том, чтобы узнать, располагает полиция какой-либо информацией о нем или нет. В таком случае сообщение лицу о том, что им интересуется или, наоборот, не интересуется полиция, может нанести большой ущерб следствию. Поэтому крайне важно, чтобы информация о том, располагает ли полиция оперативной информацией о лице, хранилась в секрете» (правительственный законопроект, 2001/02:191, стр. 90—91).

59. Полиция безопасности применяет Закон «О режиме секретности» напрямую. Таким образом, не существует ни-

[1] Лен — административно-территориальная единица Швеции (*примечание редакции*).

каких внутриведомственных приказов или распоряжений, касающихся предоставления доступа к служебной документации, поскольку иначе был бы нарушен Закон «О режиме секретности». Часть 2 статьи 1 главы 5 Закона «О режиме секретности» устанавливает презумпцию секретности информации, в силу которой, если неясно, причинит ли ущерб рассекречивание сведений, содержащихся в служебной документации, эти сведения не разглашаются.

60. По ходатайству о предоставлении доступа к служебной документации полиция безопасности производит поиск информации о лице в делах оперативного учета. Если никакой информации о лице там не обнаружено, лицу, подавшему ходатайство, об этом не сообщают, а само ходатайство отклоняется. Из этого правила было сделано лишь несколько исключений в случаях, когда человек, желающий ознакомиться с оперативной информацией, умирал, а соответствующее ходатайство подавалось его детьми (как в случае со вторым заявителем). В случае же обнаружения какой-либо оперативной информации о лице полиция безопасности решает, может ли эта информация быть предоставлена лицу полностью или частично. Лицу не сообщается, ограничивается ли содержание дел оперативного учета той информацией, которая была ему предоставлена.

61. Правительство заявляет, что установилась практика, согласно которой Апелляционный административный суд посещает отделение полиции безопасности и знакомится с делами оперативного учета — в случае, если последние были заведены, — в рамках производства по каждому поступившему делу. Трое судей рассматривают все материалы и производят оценку каждого документа, который не был предоставлен лицу, подавшему соответствующее ходатайство. Если полиция безопасности не располагает об этом лице никакой информацией, суд получает часть компьютерной распечатки, показывающей, что лицо не упоминается в оперативно-служебных документах полиции безопасности.

D. Контрольные органы

1. Совет по вопросам документационного обеспечения

62. Совет по вопросам документационного обеспечения [*registernämden*] был создан в 1996 году вместо Национального совета по вопросам деятельности полиции (этот последний описан в пунктах 19—34 упомянутого выше постановления Европейского Суда по делу «Леандер против Швеции»). На Совет возложена задача определять, может ли разглашаться информация, которой располагает полиция безопасности, в ходе проверок на благонадежность, а также следить за тем, как полиция безопасности осуществляет оперативный учет и хранение информации и соблюдает ли она Закон «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции», в частности статью 5 этого Закона (см. статью 1 Ордонанса о Совете по вопросам документационного обеспечения [*förordningen med instruktion för Registernämnden*] (1996:730)). Для выполнения своих надзорных функций Совет может знакомиться с информацией, которой располагает полиция безопасности (статья 11). Ежегодно он представляет правительству отчет о своей деятельности (статья 6). Этот отчет становится общедоступным.

Согласно статьям 2 и 13 Ордонанса о Совете по вопросам документационного обеспечения Совет состоит не более чем из восьми человек, включая председателя и его заместителя, все назначаемые правительством на определенный срок. Председатель Совета и его заместитель должны быть постоянно действующими судьями, а кроме них, в состав Совета входят члены Риксдага. Независимость Совета по вопросам документационного обеспечения гарантируется, помимо прочего, статьей 7 главы 11 конституционного закона «Форма правления», из которой следует, что ни Риксдаг, ни правительство, ни какой-либо иной орган государственной власти не может вмешиваться в то, как Совет рассматривает конкретное дело.

2. Совет по вопросам информационного контроля

63. Согласно статье 1 Ордонанса о Совете по вопросам информационного контроля (1998:1192), основная задача этого Совета заключается в защите физических лиц от нарушения их личностной целостности в процессе обработки персональных данных. Совет может получать жалобы от физических лиц. Его независимость гарантируется, помимо прочего, статьи 7 главы 11 конституционного закона «Форма правления».

64. Для выполнения своих надзорных функций Совет по вопросам информационного контроля может знакомиться с персональными данными, которые находятся в обработке, получать соответствующую дополнительную информацию и документацию, а также сведения о мерах безопасности, принимающихся при обработке данных, и иметь доступ в помещения, где происходит их обработка (статья 43 Закона «О персональных данных»).

Полномочия Совета по корректировке и уничтожению оперативной информации были кратко описаны в пунктах 55 и 56 настоящего постановления.

65. Полиция безопасности назначила уполномоченного по персональным данным [*personuppgiftsombud*], функция которого заключается в независимом обеспечении того, что оператор обрабатывает персональные данные корректно и добросовестно, соблюдая при этом законы и обращая внимание на любые недочеты. Если уполномоченный имеет основания подозревать, что оператор нарушил нормы закона, регулирующие обработку персональных данных, и ситуация не была исправлена в кратчайшие практически осуществимые сроки после того, как на это нарушение было обращено внимание, уполномоченный уведомляет об этом Совет по вопросам информационного контроля (части 1 и 2 статьи 38 Закона «О персональных данных»).

3. Другие контрольные органы

66. Полиция безопасности, Совет по вопросам документационного обеспечения и Совет по вопросам информационного контроля, а также их деятельность находятся под надзором омбудсменов[1] и Канцлера юстиции[2]. Их функции и полномочия описаны в упомянутом выше постановлении Европейского Суда по делу «Леандер против Швеции» (стр. 16—18, § 36—39).

67. В отличие от омбудсменов, Канцлер юстиции может назначать компенсацию в случае представления требования в связи с тем, что какой-либо государственный орган принял неправильное решение либо не принял решения, в то время как был обязан его принять. Это полномочие Канцлера юстиции предусмотрено Ордонансом «О порядке рассмотрения предъявляемых к государству требований о возмещении ущерба» [*förordningen om handläggning av skadeståndsanspråk mot staten*] (1995:1301). Канцлер может рассматривать требования, заявленные на основании нескольких положений Закона «О деликтной ответственности» [*skadeståndslagen*] (1972:207), в частности статьи 2 главы 3, согласно которой государство должно возмещать финансовый ущерб, причиненный противоправными действиями или бездействием в связи с осуществлением государственной власти. Компенсация морального вреда может назначаться в связи с причинением личного ущерба или в связи с совершением определенных преступлений, таких как клевета (статья 1 главы 5 и статья 3 главы 1).

Решение Канцлера юстиции отклонить требование о возмещении ущерба полностью или частично не подлежит

обжалованию. Лицо может, однако, обратиться в окружной суд с гражданским иском против государства, а потом при необходимости обжаловать решение последнего в вышестоящий суд либо подать такой иск немедленно, без предварительного решения Канцлера. Интересы государства представляет в шведских судах Канцлер юстиции.

68. Согласно статье 48 Закона «О персональных данных», оператор должен выплатить лицу, которого эти данные касаются, компенсацию материального ущерба и морального вреда, в том числе ущерба, причиненного нарушением права на неприкосновенность личной жизни в результате обработки персональных данных, нарушающей этот Закон.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

69. Статья 8 Конвенции в части, имеющей отношение к настоящему делу, предусматривает следующее:

> «1. Каждый имеет право на уважение его личной <…> жизни <…>
>
> 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, <…> [либо] в целях предотвращения беспорядков или преступлений <…>».

A. По вопросу о правомерности хранения информации, предоставленной заявителям для ознакомления

70. Ссылаясь на статью 8 Конвенции, заявители жалуются в Европейский Суд на то, что хранение в полиции безопасности тех сведений, которые были им предоставлены для ознакомления, является необоснованным вмешательством государства в реализацию их права на уважение личной жизни.

По вопросу о применимости в деле положений статьи 8 Конвенции

71. Государство-ответчик ставит под вопрос возможность распространения — для целей применения положений пункта 1 статьи 8 Конвенции — понятия «личная жизнь» на предоставленную заявителям информацию. Государство-ответчик подчеркивает, что информация, предоставленная *первой* заявительнице, касается не ее собственной деятельности, а деятельности других лиц, а именно тех, кто угрожал ей и другим людям использованием взрывных устройств. Информация об *остальных* заявителях, которая впоследствии была им предоставлена, по-видимому, во многом поступила из открытых источников, таких как замечания, сделанные в связи с их общественной деятельностью (участие второго заявителя в зарубежном митинге и участие пятого заявителя в демонстрации, проводившейся в г. Стокгольме). Кроме того, основная часть информации, о которой идет речь, уже находится в свободном доступе, так как она состоит из газетных статей (в случае с третьим заявителем, четвертым заявителем и пятым заявителем), радиопередач (в случае с пятым заявителем) или решений органов государственной власти (решение омбудсменов, касающееся третьего заявителя). Ни один из заявителей не утверждал, что предоставленная ему информация содержала какие-то неточности или не соответствовала действительности.

72. Европейский Суд, учитывая содержание понятия «личная жизнь», как оно толкуется в его прецедентной практике (см., в частности, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии» [*Amann v. Switzerland*], жалоба № 27798/95, § 65, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-II и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии» [*Rotaru v. Romania*], жалоба № 28341/95, § 43, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-V), приходит к выводу, что сведения о заявителях, которые хранились в полиции безопасности и были им предоставлены, явно являлись информацией, относящейся к их личной жизни. В самом деле, они охватывают даже те элементы информации, которые были преданы гласности, поскольку они систематически собирались и хранились в различных государственных органах. Соответственно, положения пункта 1 статьи 8 Конвенции применимы к обжалуемому по настоящему делу хранению этой информации.

2. По вопросу о соблюдении требований статьи 8 Конвенции

(a) По вопросу о наличии вмешательства государства в реализацию прав заявителей

73. Далее, Европейский Суд считает, и стороны этого не оспаривают, что, как следует из устоявшейся практики Суда, хранение информации, о которой идет речь, представляет собой вмешательство государства в реализацию права заявителей на уважение их личной жизни, гарантированного пунктом 1 статьи 8 Конвенции (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Леандер против Швеции», стр. 22, § 48; постановление Европейского Суда от 25 марта 1998 г. по делу «Копп против Швейцарии» [*Kopp v. Switzerland*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека *Reports of Judgments and Decisions* 1998-II, стр. 540, § 53; упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии», § 69 и 80; а также упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 46).

(b) По вопросу об обоснованности вмешательства государства в реализацию прав заявителей

(i) Было ли вмешательство государства в реализацию прав заявителей предусмотрено законом

74. Заявители не отрицают, что оспариваемое ими хранение информации предусмотрено шведским законодательством. Тем не менее, они утверждают, что требование качества соответствующего закона, вытекающее из автономного смысла выражения «предусмотрено законом», не соблюдено. В частности, они считают, что соответствующие нормы шведского законодательства сформулированы недостаточно четко для того, чтобы дать заявителям возможность предвидеть — пусть даже и при помощи юриста — последствия своего собственного поведения. Формулировка «по особым основаниям», содержащаяся в части 3 статьи 33 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции»,

[1] Помимо уже упоминавшегося омбудсмена юстиции, в Швеции действуют еще пять омбудсменов, осуществляющие свои полномочия в ряде специальных областей общественной жизни, — по этническому равноправию (с 1986 года), по равноправию полов (с 1980 года), по правам потребителей (с 1971 года), по правам детей (с 1993 года) и по правам инвалидов (с 1994 года) (*примечание редакции*).

[2] Канцлер юстиции — должностное лицо в Швеции, которое возбуждает дела по обвинению в должностных преступлениях членов высших судебных органов Швеции, осуществляет контроль за надлежащим исполнением законодательства о свободе печати и выполняет некоторые другие надзорные функции. В отличие от Министра юстиции, Канцлер юстиции не входит в правительство, но подчиняется ему (*примечание редакции*).

чересчур широка и может применяться практически ко всем. Яркий пример этого — сбор и хранение информации, которая была им предоставлена для ознакомления.

75. Государство-ответчик утверждает, что обжалуемое заявителями вмешательство было предусмотрено соответствующим национальным законом, уровень доступности и предсказуемости которого был достаточно высок, чтобы удовлетворять требованию качества, вытекающему из прецедентной практики Европейского Суда.

76. Европейский Суд вновь обращается к своей устоявшейся прецедентной практике, согласно которой выражение «предусмотрено законом» не только требует, чтобы оспариваемая по делу мера была предусмотрена соответствующим национальным законом, но и относится к качеству этого закона: он должен быть доступен тем лицам, которых он касается, и предсказуем в отношении последствий его применения (см., в числе других источников, упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии» § 52). Закон, о котором идет речь, должен соответствовать принципу верховенства права, а значит, предоставлять меру правовой защиты от произвольного вмешательства органов государственной власти в реализацию прав, предусмотренных пунктом 1 статьи 8 Конвенции. В случаях негласного осуществления полномочий исполнительной власти, как это происходило в настоящем деле, риск произвола особенно очевиден. Поскольку принятие мер негласного наблюдения не контролируется лицами, за которыми это наблюдение ведется, или обществом в целом, предоставление органам исполнительной власти юридической свободы действий путем наделения их неограниченными полномочиями противоречило бы принципу верховенства права. Следовательно, закон должен указывать границы любой такой свободы действий, которой наделяются компетентные органы власти, и способы ее осуществления с достаточной четкостью, с учетом правомерной цели тех мер, о которых идет речь, для того чтобы предоставить человеку адекватную защиту от произвольного вмешательства государства в реализацию его прав (см. постановление Европейского Суда от 2 августа 1984 г. по делу «Мэлоун против Соединенного Королевства» [*Malone v. the United Kingdom*], серия «А», № 82, стр. 32—33, § 67—68, к которому Суд вновь обратился в упомянутых выше постановлениях Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аманн против Швейцарии», § 56 и по делу «Ротару против Румынии», § 55).

77. По этому поводу Европейский Суд отмечает, что в своем упомянутом выше постановлении по делу «Леандер против Швеции» (§ 19—22) он уже рассматривал предусмотренные шведским законодательством правовые основания сбора и хранения оперативной информации полицией безопасности, а также качество соответствующего закона до внесения в него поправок, вступивших в силу с 1 апреля 1999 г. Тогда Суд пришел к выводу, что такие меры были предусмотрены национальным законом, а уровень его доступности и предсказуемости являлся достаточно высоким, чтобы удовлетворять требованиям качества, вытекающим из автономного толкования выражения «предусмотрено законом» (там же, § 52—57). В настоящем же деле центральное место в состязательных бумагах сторон занимает ситуация, сложившаяся после 1 апреля 1999 г. Поэтому Суд по своей собственной инициативе не будет рассматривать положение вещей, существовавшее до этой даты, а ограничится анализом последующего периода.

78. Во-первых, Европейский Суд считает, что правовые основания хранения информации, о которой идет речь, были предусмотрены статьями 5, 32 и 33 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» 1998 года.

79. Во-вторых, относительно вопроса о качестве этого закона Европейский Суд отмечает, что, как становится ясно из формулировки статьи 33 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции», «в полиции безопасности могут храниться *только* персональные данные» (*курсив наш*) по любому основанию из тех, которые предусмотрены частями 1, 2 или 3. Суд полагает, что вопрос о качестве закона может возникнуть, но только в связи с явной широтой основания, предусмотренного частью 3 статьи 33: «С учетом цели, с которой ведется оперативный учет информации, для этого есть иные особые основания» (см. выше, пункт 49 настоящего постановления). Как заявляет государство-ответчик, если полиция безопасности располагает информацией о том или ином лице, это еще не значит, что данное лицо в чем-то обвиняется. По этому поводу в документах, отражающих историю разработки закона, о котором идет речь, приводятся конкретные и ясные примеры, как-то: человек, связанный с другими людьми, информацией о которых располагает полиция безопасности; человек, в адрес которого могут поступать угрозы, и человек, который может быть завербован иностранной разведкой (там же). Государство-ответчик также приводит примеры более широких категорий, например, «человек, находящийся в контакте с лицом, подозреваемым в совершении преступления» (там же). Понятно, что полиция безопасности обладает определенной свободой действий при определении того, какого рода сведения и в отношении какого круга лиц должны подлежать оперативному учету, а также определять наличие «особых оснований», которые не предусмотрены частями 1 и 2 статьи 33 (человек, подозреваемый в совершении преступления, угрожающего национальной безопасности, или в терроризме, либо человек, проходящий проверку на благонадежность).

Тем не менее свобода действий полиции безопасности при определении того, какие именно основания могут считаться «особыми» по части 3 статьи 33, не является неограниченной. Согласно Конституции Швеции, информация о гражданине не может без его согласия подлежать оперативному учету исключительно на основании его политических взглядов. Далее, общий запрет на оперативный учет информации о человеке на основании его политических взглядов содержится в статье 5 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции». При оперативном учете информации по «особым основаниям» на основании части 3 статьи 33 следует принимать во внимание цель ведения этого учета. Согласно статье 32 Закона «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции», целью хранения информации в полиции безопасности должно быть содействие расследованиям, направленным на предотвращение и раскрытие преступлений против национальной безопасности или на борьбу с терроризмом. Дальнейшие ограничения вытекают из статьи 34, определяющей порядок оперативного учета информации полицией безопасности.

С учетом всего этого Европейский Суд считает, что объем полномочий компетентных органов государственной власти и порядок их осуществления определялся достаточно четко, принимая во внимание правомерную цель тех мер, о которых идет речь, для того, чтобы предоставить человеку адекватную защиту от произвольного вмешательства государства в реализацию его прав.

80. Соответственно, вмешательство в частную жизнь заявителей было «предусмотрено законом» в значении положений статьи 8 Конвенции.

(ii) По вопросу о цели вмешательства государства в реализацию прав заявителей и о необходимости этого вмешательства

81. Заявители подчеркивают, что полиция безопасности не располагала никакими сведениями о конкретных дейст-

виях, которые подкрепляли бы предполагаемую опасность того, что кто-нибудь из заявителей мог быть причастен к терроризму, шпионажу или к любому другому подобному преступлению.

82. По мнению государства-ответчика, вмешательство, о котором идет речь, преследовало одну или несколько правомерных целей: предотвращение преступлений постольку, поскольку угрозы применением взрывных устройств касались собственной безопасности первой заявительницы, и интересы национальной безопасности в отношении всех заявителей. Кроме того, в каждом случае вмешательство государства в реализацию прав заявителей было необходимо для достижения преследуемой государством правомерной цели или целей.

83. Государство-ответчик заявляет, что оно никак не может понять, почему *первая* заявительница вообще должна утверждать, что оперативный учет информации об угрозах в ее адрес полицией безопасности не только не отвечал ее интересам, но и, наоборот, повлек за собой нарушение ее прав, предусмотренных Конвенцией. Информация, предоставленная *четверым остальным* заявителям, сильно различалась по своему характеру. Бóльшая ее часть, по-видимому, содержалась в открытых источниках, таких как средства массовой информации. Государству-ответчику неизвестно происхождение всех без исключения элементов информации, о которой идет речь, и, следовательно, оно не может дать комментарии по этому конкретному вопросу. Тем не менее государство-ответчик отмечает, что с позиций сегодняшнего дня эта информация, по-видимому, или сильно устарела, или достаточно безобидна, и она является соразмерной преследуемой государством правомерной цели, а именно защите национальной безопасности.

84. В отношении *второго* заявителя, с учетом того, что период времени, фигурирующий по делу, характеризовался состоянием «холодной войны», стремление полиции безопасности иметь информацию о митинге, проводившемся в 1967 году сочувствующими левым в Польше, в котором он мог принять участие, не могло считаться необоснованным. На него не было заведено дело личного учета, и собранная о нем информация была сформулирована тщательно (с использованием слова «вероятно»).

85. *Третий* заявитель и *четвертый* заявитель с 1970-х гг. являются членами КМЛП (р) — политической партии, пропагандирующей идею использования насилия для изменения общественного порядка. Одной из обязанностей полиции безопасности является защита конституционного строя, а именно предупреждение и выявление угроз внутренней безопасности государства. Очевидно, что лица, состоящие в таких политических партиях, как КМЛП (р), привлекают внимание полиции безопасности.

86. Случай с *пятым* заявителем также должен рассматриваться с учетом эпохи «холодной войны»; он также, по-видимому, отстаивал идею использования насилия как средства изменения общества. В одном из предоставленных ему документов утверждалось, что однажды он высказался в пользу насилия как средства организации демонстраций и достижения их целей.

(iii) Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

87. Европейский Суд допускает, что хранение информации, о которой идет речь по делу, преследовало правомерные цели, а именно предотвращение беспорядков или преступлений в случае с первой заявительницей и защиту национальной безопасности в случае с остальными заявителями.

88. Европейский Суд признаёт, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут на законных основаниях существовать в демократическом обществе. Тем не менее Суд вновь отмечает, что осуществление полномочий по негласному наблюдению за гражданами приемлемо с точки зрения Конвенции лишь постольку, поскольку оно строго необходимо для охраны демократических институтов (см. постановление Европейского Суда от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс и другие заявители против Германии» [*Klass and Others v. Germany*], серия «А» № 28, стр. 21, § 42; а также упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 47). Такого рода вмешательство государства в осуществление гражданами своих прав должно быть подкреплено соответствующими и достаточными основаниями и быть соразмерным преследуемой государством правомерной цели или целям. В связи с этим Суд полагает, что национальные власти обладают свободой усмотрения, объем которой зависит не только от характера преследуемой ими правомерной цели, но и от характера конкретного вмешательства, имевшего место в том или ином случае. В настоящем деле следует найти равновесие между интересом государства-ответчика в охране национальной безопасности и в борьбе с терроризмом с одной стороны и серьезностью вмешательства государства в реализацию права заявителей на уважение их личной жизни с другой стороны. В этом вопросе Суд опять-таки ограничится рассмотрением ситуации, существующей с 1999 года по настоящее время.

89. В том, что касается *первой* заявительницы, Европейский Суд не видит причин сомневаться в том, что основания оперативного учета информации, касающейся адресованных ей в 1990 году угроз применением взрывных устройств и некоторых других выпадов, были уместны и достаточны с точки зрения преследуемой цели, которая заключалась в предотвращении беспорядков или преступлений. Меры, о которых идет речь, были, по крайней мере, частично, мотивированы интересом в защите личной безопасности заявительницы; таким образом, не может возникнуть вопроса о том, что вмешательство государства в реализацию ее права на уважение личной жизни было несоразмерным. Суд не получил подробной информации о точном содержании документов, которые были предоставлены заявительнице 13 декабря 2002 г., поэтому он не будет рассматривать данный вопрос.

90. Тем не менее, что касается информации, которая была предоставлена *второму* заявителю (о его участии в политическом митинге в г. Варшаве в 1967 году), то Европейский Суд, учитывая характер и давность этой информации, не считает, что ее длительное хранение подкреплено основаниями, уместными и достаточными с точки зрения защиты национальной безопасности.

Аналогичным образом, едва ли можно предположить, что хранение большей части той информации, которая была предоставлена *пятому* заявителю, соответствовало каким-либо фактическим интересам государства-ответчика в сфере охраны национальной безопасности, которые имеют отношение к настоящему делу. Длительное хранение информации, согласно которой он в 1969 году, по-видимому, отстаивал идею насильственного сопротивления полиции во время проведения демонстраций, имело под собой основания, которые хотя и имеют отношение к настоящему делу, но не могут считаться достаточными по истечении тридцати лет.

Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что длительное хранение информации, которая была предоставлена второму заявителю и пятому заявителю, повлекло за собой несоразмерное вмешательство государства в реализацию их права на уважение личной жизни.

91. Информация, которая была предоставлена *третьему* заявителю и *четвертому* заявителю, поднимает более сложные вопросы, так как она относится к их членству в КМЛП (р) — политической партии, которая, как подчеркивает государство-ответчик, выступает в пользу того, чтобы прибегать к

насилию и нарушать законы для изменения существующего общественного строя. В подтверждение своего довода государство-ответчик представило в Европейский Суд копию программы КМЛП (р), принятой 2—4 января 1993 г., указывая, в частности, на статьи 4, 22, 23 и 28 этого документа (см. выше, пункт 38 настоящего постановления).

Европейский Суд отмечает, что соответствующие статьи программы КМЛП (р) довольно откровенно пропагандируют установление господства одного класса общества над другим, игнорируя существующие законы и правила. Однако эта программа не содержит ничего такого, что напоминало бы немедленный и недвусмысленный призыв к насилию для достижения политических целей. Статья 23 программы, например, в которой приведены наиболее определенные высказывания по этому вопросу, допускает больше нюансов в этом отношении и не объявляет насилие ни первоочередным, ни неизбежным средством в любых обстоятельствах, подтверждая, однако, принцип вооруженной оппозиции.

Тем не менее Европейский Суд вновь указывает на то, что «устав и программу политической партии нельзя считать единственным критерием, позволяющим установить ее цели и намерения; содержание программы партии надо сопоставлять с действиями партийных руководителей и с теми позициями, которые они отстаивают» (см., *mutatis mutandis*[1], постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия благоденствия и другие заявители против Турции» [*Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey*], жалобы № 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, § 101, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2003-II; постановление Европейского Суда от 30 января 1998 г. по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие заявители против Турции» [*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-I, стр. 22, § 46; постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 г. по делу «Социалистическая партия и другие заявители против Турции» [*Socialist Party and Others v. Turkey*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-III, стр. 1258, § 50; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия свободы и демократии против Турции» [*Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey*], жалоба № 23885/94, § 45, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-VIII). Этот подход, который Суд использовал при оценке необходимости роспуска политической партии с точки зрения пункта 2 статьи 11 Конвенции, подходит и для оценки необходимости сбора и хранения информации о руководителях и членах политической партии органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в интересах национальной безопасности с точки зрения положений пункта 2 статьи 8 Конвенции.

В настоящем деле государство-ответчик ссылается в качестве доказательства лишь на программу КМЛП (р). Кроме этой программы, оно не указывает ни на какие особые обстоятельства, указывающие на то, что спорные положения программы нашли свое отражение в действиях или заявлениях лидеров этой партии или ее членов и представляли собой фактическую или даже потенциальную угрозу национальной безопасности, когда эта информация была рассекречена в 1999 году, почти через 30 лет после создания партии. Следовательно, основания длительного хранения оперативной информации, касающейся *третьего* заявителя и *четвертого* заявителя, хотя и имели отношение к делу, но не могут считаться достаточными с точки зрения требования необходимости вмешательства, предъявляемого пунктом 2 статьи 8 Конвенции. Таким образом, длительное хранение информации, которая была предоставлена этим заявителям в 1999 году, является несоразмерным вмешательством государства в реализацию их права на уважение личной жизни.

92. В общем, Европейский Суд приходит к выводу, что длительное хранение информации, которая была предоставлена заявителям, было необходимо в отношении первой заявительницы, но не в отношении любого другого заявителя по настоящему делу. Соответственно, Суд постановляет, что требования статьи 8 Конвенции в отношении первой заявительницы нарушены не были, а в отношении каждого из остальных заявителей было допущено нарушение этой статьи Конвенции.

B. По вопросу о правомерности отказов сообщить заявителям полную информацию о том, какими сведениями о них располагала полиция безопасности

1. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

(i) Доводы, представленные Европейскому Суду заявителями

93. Помимо этого, заявители утверждают, что отказ предоставить им полный доступ ко всей касающейся их информации, которой располагала полиция безопасности, представляет собой необоснованное вмешательство государства в реализацию их права на уважение личной жизни согласно статье 8 Конвенции.

94. По мнению заявителей, вмешательство, о котором идет речь, не было «предусмотрено законом», поскольку соответствующий шведский закон не удовлетворял предъявляемым Конвенцией требованиям качества. Невозможно было предвидеть, какого типа информация могла подлежать оперативному учету и какие соображения лежали в основе решений полиции безопасности или шведских судов по поданному каждым из них ходатайству о получении доступа к информации, которая содержалась в заведенных на них делах оперативного учета.

95. Далее, вмешательство, о котором идет речь, не было «необходимо в демократическом обществе». Заявители указывают на то, что полиция безопасности не располагает никакой конкретной информацией, подкрепляющей предположение о том, что заявители могли быть причастны к терроризму, шпионажу или к иным преступлениям подобного рода. Кроме того, отказ предоставить им информацию, на которую не распространялся режим секретности, и хранение которой осуществлялось в основном по соображениям исключительно исторического или политического характера, нельзя считать строго необходимым.

В связи с этим заявители утверждают, что соответствующий закон не предусматривает достаточных гарантий против злоупотреблений. Они подчеркивают, что Совет по вопросам документационного обеспечения, основанный в 1996 году, не провел проверки заведенных на них дел оперативного учета после того, как они ходатайствовали об ознакомлении с ними. Совет не мог отдать распоряжения об уничтожении дел оперативного учета или о сокрытии либо изменении содержащихся в них сведений. Не мог он и назначить заявителям компенсации причиненного им ущерба. Совет по вопросам информационного контроля не провел ни одной серьезной проверки дел оперативного учета, заведенных полицией безопасности. Омбудсмен юстиции не мог предоставить заявителям доступ к заведенным на них делам оперативного учета и вносить исправления в ложную или не относящуюся к сути вопроса информацию, которая в этих делах содержалась. Канцлер юстиции представляет интересы правительства Швеции, а значит, он не является независимым.

[1] Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (*примечание редакции*).

(ii) Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

96. Государство-ответчик признаёт, что какое-то время полиция безопасности располагала некоторыми сведениями о заявителях, но, ссылаясь на свои ранее приведенные доводы, ставит под сомнение, продемонстрировали ли заявители существование, по крайней мере, разумной вероятности того, что полиция безопасности осуществляла сбор касающихся их персональных данных и, следовательно, допустила вмешательство в их личную жизнь.

97. Однако, если Европейский Суд в этих обстоятельствах все-таки придет к выводу о наличии вмешательства государства в реализацию прав заявителей, предусмотренных пунктом 1 статьи 8 Конвенции, государство-ответчик утверждает, что это вмешательство было обосновано с точки зрения положений пункта 2 статьи 8 Конвенции; оно было предусмотрено законом, преследовало правомерную цель и было необходимо в демократическом обществе для достижения этой цели.

98. В том, что касается необходимости вмешательства, о котором идет речь, государство-ответчик считает, что шведское законодательство предоставляет достаточные гарантии против злоупотреблений, а именно:

(i) Свобода действий полиции безопасности подлежит ограничениям, установленным более общим Законом «О персональных данных», регулирующим обработку информации личного характера независимо от места, где она производится, и более конкретным Законом «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции», который предусматривает позитивное обязательство полиции безопасности осуществлять учет информации, полученной оперативным путем, уточняет его цель и прописывает условия, при соблюдении которых персональные данные могут подлежать оперативному учету.

(ii) И Конституция Швеции, и Закон «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» явным образом предусматривают, что определенного рода конфиденциальные сведения могут подлежать оперативному учету лишь в исключительных обстоятельствах, то есть в случаях, когда это «неизбежно и необходимо». Ни при каких обстоятельствах полиция безопасности не может вести оперативный учет информации о том или ином лице только из-за его политических взглядов либо из-за его членства в какой-либо политической партии.

(iii) Деятельность Совета по вопросам информационного контроля является важной гарантией против злоупотреблений, учитывая, что его полномочия могут осуществляться на всех стадиях обработки персональных данных. Совет имеет право принимать различные меры для защиты права на неприкосновенность личной жизни человека, например, запрещать любую обработку персональных данных (кроме их хранения) до устранения нарушений закона. Также Совет может обратиться в суд, добиваясь уничтожения оперативно-служебных документов.

(iv) Совет по вопросам документационного обеспечения, деятельность которого является еще одной важной гарантией против злоупотреблений, выполняет две функции. Он следит за тем, как полиция безопасности осуществляет оперативный учет и хранение информации и соблюдает ли она Закон «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции». Также Совет определяет, может ли информация, которой располагает полиция безопасности, разглашаться в ходе проверок на благонадежность.

(v) Омбудсмены осуществляют надзор за применением законов и подзаконных актов не только самой полицией безопасности, но и органами, контролирующими ее деятельность (Советом по вопросам информационного контроля и Советом по вопросам документационного обеспечения). Омбудсмены вправе проводить проверки и иные расследования, возбуждать уголовные дела в отношении государственных служащих и подавать рапорты о совершённых последними дисциплинарных правонарушениях. Необходимо вспомнить, что профсоюз, в который входит третий заявитель, фактически подал жалобу омбудсменам, утверждая, что в связи с проверкой на благонадежность третьего заявителя были нарушены требования Ордонанса о кадровых проверках на благонадежность, и омбудсмены выступили с критикой использованных в его случае методов.

(vi) Роль Канцлера юстиции напоминает роль омбудсменов. Он может подавать рапорты о дисциплинарных правонарушениях, совершённых государственными служащими, возбуждать в отношении них уголовные дела и назначать компенсацию потерпевшим.

Кроме того, возможность ходатайствовать о возмещении причиненного ущерба в ходе непосредственного производства по делу в суде предусматривается Законом «О деликтной ответственности». Кроме того, Закон «О персональных данных» предусматривает отдельное основание возмещения ущерба, важное в контексте настоящего дела.

Государство-ответчик утверждает, что ввиду отсутствия каких-либо доказательств или симптомов того, что функционирование системы оперативного учета информации не отвечает требованиям, предъявляемым национальным законодательством, общая совокупность гарантий является источником компромисса между требованиями защиты демократического общества и правами человека, и этот компромисс совместим с положениями Конвенции.

2. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

99. Европейский Суд, принимая во внимание оценку обстоятельств дела, данную им в пунктах 72—73 настоящего постановления, считает установленным, что оспариваемый по делу отказ сообщить заявителям полную информацию о том, какими сведениями о них располагает полиция безопасности, является вмешательством в реализацию их права на уважение личной жизни.

100. Этот отказ предусмотрен шведским законодательством, а именно частью 2 статьи 1 главы 5 Закона «О режиме секретности». Что касается качества этого закона, Европейский Суд ссылается на свои выводы, содержащиеся в пунктах 79—80 и в пунктах 57—61 настоящего постановления, где описываются условия предоставления лицу касающейся его информации, которой располагает полиция безопасности. Суд не видит причин сомневаться в том, что вмешательство, о котором идет речь, предусмотрено законом в значении положений пункта 2 статьи 8 Конвенции.

101. Кроме того, отказ, о котором идет речь, преследовал одну или несколько правомерных целей; Европейский Суд ссылается при этом на пункт 87 настоящего постановления.

102. Европейский Суд отмечает, что в практике толкования и применения Конвенции отказ предоставить полный доступ к информации, которой располагают органы, осуществляющие в той или иной стране оперативно-розыскную деятельность, необходим в случаях, когда государство может справедливо опасаться, что предоставление такой информации поставит под угрозу эффективность функционирования системы негласного наблюдения, направленной на защиту национальной безопасности и на борьбу с терроризмом (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Класс и другие заявители против Германии», § 58, и упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Леандер против Швеции», § 66). Все административные и судебные органы Швеции, рассматривавшие вопро-

сы, имеющие отношение к настоящему делу, решили, что предоставление полного доступа к информации, о которой идет речь, поставит под угрозу цель системы ее оперативного учета. Суд не видит оснований, опираясь на которые он мог бы прийти к иному выводу.

103. Кроме того, принимая во внимание практику толкования и применения Конвенции (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Класс и другие заявители против Германии», § 50; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Леандер против Швеции», § 60; решение Европейского Суда по правам человека от 2 апреля 1993 г. по делу «Давид Эсбестер против Соединенного Королевства» [*David Esbester v. the United Kingdom*], жалоба № 18601/91; а также решение Европейского Суда по правам человека от 27 июня 1994 г. по делу «Кэмпбелл Кристи против Соединенного Королевства» [*Campbell Christie v. the United Kingdom*], жалоба № 21482/93) и учитывая сделанные им выводы относительно качества закона (см. выше, пункты 79 и 80), а также различные гарантии, предусмотренные шведским законодательством (см. выше, пункты 52—68 настоящего постановления), Европейский Суд считает установленным, что гарантии, подлежащие применению в настоящем деле, удовлетворяют требованиям пункта 2 статьи 8 Конвенции.

104. В свете вышесказанного Европейский Суд приходит к выводу, что государство-ответчик, с учетом предоставленной ему свободы усмотрения, вправе было считать, что интересы национальной безопасности и борьбы с терроризмом перевешивали интересы заявителей в получении полной информации о том, какими сведениями о них располагала полиция безопасности.

Соответственно, Европейский Суд считает, что по настоящему делу требования статьи 8 Конвенции в этом отношении нарушены не были.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ НАРУШЕНИЯХ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 10 И СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

105. Заявители жалуются в Европейский Суд на то, что постольку, поскольку хранение секретной информации используется как средство надзора за политическими инакомыслящими, — а это особенно обращает на себя внимание в случае с первой заявительницей и с четвертым заявителем, — оно влечет за собой нарушение их прав, предусмотренных статьей 10 Конвенции. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 10 Конвенции предусматривает следующее:

> «1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. <…>
>
> 2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности [или] в целях предотвращения беспорядков или преступлений <…>».

Далее заявители жалуются в Европейский Суд на то, что в отношении каждого из них членство в политической партии сыграло решающую роль в процессе принятия решения о ведении оперативного учета касающейся их секретной информации. Эта ситуация представляет собой необоснованное вмешательство государства в реализацию их прав, предусмотренных статьей 11 Конвенции. В части, имеющей отношение к настоящему делу, статья 11 Конвенции предусматривает следующее:

> «1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.
>
> 2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или <…> в целях предотвращения беспорядков или преступлений <…>».

106. Государство-ответчик утверждает, что в обстоятельствах настоящего дела не возникает отдельных вопросов ни о возможном нарушении статьи 10 Конвенции, ни о возможном нарушении статьи 11 Конвенции в отношении первой заявительницы, второго заявителя, четвертого заявителя и пятого заявителя. Они не подвергались кадровым проверкам на благонадежность. Информация о них, собранная полицией безопасности, по-видимому, никогда не предоставлялась третьим лицам. Фактически к ней, наверное, получили доступ лишь сами заявители после того, как они об этом ходатайствовали. Кроме того, их подозрения, что полиция безопасности располагает касающейся их информацией, — подозрения, которые подтвердились, когда им и в самом деле была предоставлена эта информация, — по всей вероятности, не оказали никакого влияния на возможности реализации их прав, предусмотренных статьей 10 или статьей 11 Конвенции. Они всегда могли свободно придерживаться своих политических или иных мнений и выражать их. Обстоятельства настоящего дела не подтверждают, что их возможности пользоваться свободой собраний были каким-либо образом ограничены. Поэтому государство-ответчик считает, что по делу не было допущено никакого вмешательства государства в реализацию прав заявителей, предусмотренных статьей 10 и статьей 11 Конвенции, и просит Европейский Суд объявить их жалобы на предполагаемое нарушение этих положений Конвенции неприемлемыми как явно необоснованные.

107. Со своей стороны, Европейский Суд считает, что жалобы заявителей на предполагаемое нарушение статьи 10 и статьи 11 Конвенции в том виде, в каком они были поданы заявителями, касаются, по существу, негативного влияния, которое оказывало хранение информации о них в полиции безопасности на их политические свободы. Однако заявители не представили никаких существенных материалов, позволяющих Суду определить, как в конкретных обстоятельствах данного дела оперативный учет информации мог бы воспрепятствовать реализации их прав, предусмотренных статьей 10 и статьей 11 Конвенции. Тем не менее Суд считает, что хранение персональных данных, имеющих отношение к политическим взглядам, к членству в политических партиях и к политической деятельности, которое было признано необоснованным для целей части 2 статьи 8 Конвенции, *ipso facto*[1] представляет собой необоснованное вмешательство государства в реализацию их прав, охраняемых статьей 10 и статьей 11 Конвенции. Учитывая выводы, сделанные им в ходе рассмотрения жалобы заявителей на предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции в связи с хранением оперативной информации, о которой идет речь, Суд приходит к выводу о том, что требования статьи 10 и статьи 11 Конвенции были соблюдены в отношении первой заявительницы и нарушены в отношении остальных заявителей.

III. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

108. Далее заявители жалуются в Европейский Суд на то, что шведское законодательство не предусматривает никаких эффективных средств правовой защиты в связи с перечисленными выше нарушениями их прав. По их мнению, это противоречит статье 13 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в <…> Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Доводы сторон, изложенные в их представлениях Европейскому Суду

1. Доводы, представленные Европейскому Суду заявителями

109. Заявители считают соответствующий шведский закон об оперативном учете информации расплывчатым, а гарантии законности такого учета недостаточными. Помимо этого, заявители утверждают, в частности, что шведское законодательство не предусматривает средств судебной защиты, позволяющих пострадавшим добиваться уничтожения дел оперативного учета.

110. Далее заявители утверждают, что шаблонный ход рассуждений шведских судов при отклонении их ходатайств о предоставлении им полного доступа к заведенным на них делам оперативного учета являлся произвольным и даже позорящим их репутацию.

Первая заявительница утверждает, что Апелляционный административный суд не изучил дел оперативного учета, заведенных на нее полицией безопасности, перед тем как вынести решение по делу.

111. Заявители утверждают, что за всё свое 30-летнее существование Совет по вопросам информационного контроля ни разу не провел серьезной проверки дел оперативного учета, заведенных полицией безопасности. Хотя создание Совета по вопросам документационного обеспечения и было успехом, он не участвовал в тех эпизодах, которые сейчас рассматриваются по настоящему делу на предмет соответствия Конвенции. Омбудсмен юстиции не вправе был решать, надо ли предоставлять заявителям право доступа к заведенным на них делам оперативного учета или вносить исправления в ложную или не относящуюся к сути вопроса информацию о них. Канцлер юстиции находится в зависимости от органов исполнительной власти.

2. Доводы, представленные Европейскому Суду государством-ответчиком

112. Государство-ответчик оспаривает, что у заявителей есть основания для каких-либо доказуемых требований по статье 13 Конвенции, и считает, что из-за этого данная статья Конвенции не применяется. В любом случае, требования статьи 13 Конвенции были соблюдены.

113. В той же мере, какой можно было бы считать, что у заявителей есть основания для каких-либо доказуемых требований по статье 13 Конвенции, когда речь идет об уничтожении информации, хранящейся в полиции безопасности, или о внесении в нее исправлений, то государство-ответчик ссылается на доступные заявителям средства правовой защиты. Так, заявители могли бы подать жалобу в Совет по вопросам информационного контроля, добиваясь принятия соответствующих мер, но они этого не сделали.

114. Кроме того, государство-ответчик оспаривает утверждение первой заявительницы о том, что административные суды не изучили дел оперативного учета, заведенных полицией безопасности. Из материалов производства по делу в Апелляционном административном суде ясно следует, что 3 февраля 2000 г. суд посетил отделение полиции безопасности для получения некоторых документов, содержащихся в этих делах.

115. Что касается жалобы заявителей на отсутствие у них возможности добиваться компенсации за ущерб, причиненный хранением касающейся их информации в полиции безопасности, у них была возможность: (1) обратиться с жалобой к Канцлеру юстиции, (2) подать иск в суд согласно Закону «О деликтной ответственности» либо (3) требовать — также в рамках производства по делу в суде — возмещения ущерба по Закону «О персональных данных». По-видимому, ни один из заявителей так и не воспользовался ни одним из перечисленных выше средств правовой защиты.

B. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

116. Европейский Суд не видит причин сомневаться в том, что жалобы заявителей на предполагаемое нарушение статьи 8 Конвенции в связи с хранением касающихся их данных и отказом сообщить им полную информацию о том, какими сведениями о них располагает полиция безопасности, могут, согласно устоявшейся практике Суда (см., например, упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 67), считаться «доказуемыми», и в отношении них может применяться статья 13 Конвенции. Следовательно, они имели право на эффективное средство правовой защиты на внутригосударственном уровне по смыслу этой статьи Конвенции.

117. Статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для реализации по существу предусмотренных Конвенцией прав и свобод, в какой бы форме они ни обеспечивались в рамках национальной правовой системы. Следовательно, она требует обеспечения пострадавшим возможности воспользоваться внутригосударственным средством правовой защиты, позволяющим «компетентному государственному органу» той или иной страны не только рассматривать по существу соответствующую жалобу на предполагаемое нарушение положений Конвенции, но и назначать необходимую компенсацию причиненного этим нарушением ущерба, хотя Договаривающиеся Государства и имеют некоторую свободу усмотрения в данном вопросе для определения того, как именно они будут соблюдать свои обязательства, вытекающие из этой статьи Конвенции. Средство правовой защиты, о котором идет речь, должно быть эффективным не только по закону, но и на практике (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 67).

«Государственный орган», который упоминается в статье 13 Конвенции, не обязательно во всех случаях должен быть судебным органом в строгом смысле этого слова. Тем не менее полномочия и процессуальные гарантии, которыми располагает этот орган власти, важны при определении эффективности соответствующего средства правовой защиты. Кроме того, когда речь идет о негласном наблюдении, объективно существующий механизм этого наблюдения может быть достаточным до тех пор, пока такие оперативно-розыскные мероприятия остаются негласными. Лицу должны быть обеспечены средства правовой защиты лишь тогда, когда оперативно-розыскные мероприятия проводятся открыто (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 69).

118. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что омбудсмен юстиции и Канцлер юстиции могут получать жалобы от физических лиц и обязаны проводить по ним расследования с целью обеспечить надлежащее применение соответствующих законов. По традиции, их мнения пользуются большим авторитетом в шведском обществе, и к ним обычно прислушиваются. Тем не менее в упомянутом выше постановлении по делу «Леандер против Швеции» (§ 82) Суд пришел к выводу, что

[1] Ipso facto (лат.). — в силу самого факта (*примечание редакции*).

основным недостатком контроля, осуществляемого этими должностными лицами, является то, что за пределами своих полномочий по возбуждению уголовных дел и дисциплинарного производства они не могут выносить юридически обязательных решений. Кроме того, они осуществляют общий надзор и не отвечают конкретно за расследования по фактам негласного наблюдения или за оперативный учет и хранение информации полицией безопасности. Как становится ясно из упомянутого выше постановления, Суд счёл, что ни одно из этих двух средств правовой защиты, если рассматривать каждое из них само по себе, не является эффективным по смыслу статьи 13 Конвенции (§ 84).

119. К настоящему времени власти Швеции приняли множество мер по улучшению средств правовой защиты, о которых идет речь, в частности, наделили Канцлера юстиции полномочиями по выплате компенсации причиненного ущерба, причем отказ Канцлера назначить компенсацию может быть обжалован в судебном порядке, а также создали Совет по вопросам документационного обеспечения вместо ранее функционировавшего Совета по вопросам деятельности полиции. Далее, государство-ответчик ссылается на создание Совета по вопросам информационного контроля.

Кроме того, необходимо заметить, что с отменой режима полной секретности, предусмотренного ныне утратившей силу частью 2 статьи 1 главы 5 Закона «О режиме секретности» (когда стало очевидным, что информация может быть рассекречена без нанесения ущерба целям ее оперативного учета) отказ полиции безопасности предоставить лицу касающуюся его оперативную информацию может быть обжалован в Административный суд лена или в Верховный административный суд Швеции. В этом случае Административный суд лена на практике ознакомится с архивом полиции безопасности и оценит для себя содержание дел оперативного учета перед тем, как вынести решение по жалобе на отказ полиции безопасности предоставить соответствующую информацию. По причинам, изложенным выше, в данном случае нет необходимости разрешать разногласия между первой заявительницей и государством-ответчиком по вопросу о том, в каких пределах ее дело может рассматриваться Апелляционным административным судом.

В данных обстоятельствах Европейский Суд не видит причин выступать с критикой того, что при рассмотрении дел заявителей Апелляционный административный суд опирался практически на одни и те же соображения.

120. Тем не менее Европейский Суд отмечает, что Совет по вопросам документационного обеспечения — орган, специально уполномоченный ежедневно следить за тем, как полиция безопасности осуществляет оперативный учет и хранение информации и соблюдает ли она Закон «О порядке оперативного учета информации подразделениями полиции» — не может отдавать распоряжений об уничтожении дел оперативного учета или об исправлении ошибок в информации, которая в них содержится.

По-видимому, более широкими полномочиями в этом отношении обладает Совет по вопросам информационного контроля, который может рассматривать жалобы, поданные физическими лицами. В случае если он признает, что обработка данных велась незаконно, он может запретить оператору под угрозой штрафа обрабатывать данные любыми способами, разрешив только их хранение. Сам Совет не уполномочен отдавать распоряжения об уничтожении незаконно хранящейся информации, но может ходатайствовать об этом перед Административным судом лена. Тем не менее не поступало никакой информации, которая могла бы пролить свет на практическую эффективность деятельности Совета по вопросам информационного контроля. Следовательно, эффективность этого средства правовой защиты не была доказана.

121. Более того, постольку, поскольку заявители жаловались на то, что хранение информации, которая была им предоставлена, в полиции безопасности несовместимо с требованиями статей 8, 10 и 11 Конвенции, они не имели прямого доступа к какому-либо средству правовой защиты в связи с уничтожением информации, о которой идет речь. По мнению Европейского Суда, эти недочеты не согласуются с требованиями эффективности, содержащимися в статье 13 Конвенции (см. упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ротару против Румынии», § 71, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Класс и другие заявители против Германии», § 71), и не могут быть компенсированы никакими возможностями заявителей добиваться возмещения причиненного им ущерба (см. выше, пункты 67—68 настоящего постановления).

122. В свете вышесказанного Европейский Суд не считает, что средства правовой защиты, подлежащие применению в настоящем деле, если рассматривать каждое из этих средств само по себе или все их, вместе взятые, могут удовлетворять требованиям статьи 13 Конвенции.

Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу, что по настоящему делу было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции.

IV. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

123. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

> «Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. По вопросу о причиненном заявителям ущербе

124. Заявители требуют выплатить каждому из них по 400 тысяч шведских крон (около 42 тысяч 970 евро), за вычетом налога на добавленную стоимость (НДС), в качестве компенсации причиненного им морального вреда. По их мнению, они должны получить компенсацию такого же порядка, что и г-н Леандер, когда обнаружилось, какой именно информацией о нем располагала полиция безопасности, и после того, как Европейский Суд вынес постановление по его делу.

125. Государство-ответчик подчеркивает, что г-ну Леандеру компенсация была выплачена на добровольной основе по специальному соглашению, достигнутому между ним и властями Швеции 25 ноября 1997 г. По мнению государства-ответчика, компенсация, выплаченная г-ну Леандеру, не может являться образцом для определения размера выплат по настоящему делу. Государство-ответчик утверждает, что заявители ничем не подкрепили своих требований и не показали никакой причинно-следственной связи между предполагаемым нарушением Конвенции в их деле и причинением им какого-либо морального вреда. В любом случае, ущерб, который мог быть причинен заявителям, был не настолько серьезен, чтобы присуждение денежной компенсации в настоящем деле являлось оправданным. По мнению государства-ответчика, признание факта нарушения Конвенции само по себе представляло бы собой достаточную справедливую компенсацию причиненного заявителям ущерба.

126. Европейский Суд согласен с государством-ответчиком в том, что урегулирование спора, достигнутое по делу г-на Леандера, не может служить образцом для определения размера компенсации в настоящем деле. Тем не менее Суд считает, что каждый заявитель по настоящему делу,

должно быть, испытал тревогу и душевные страдания в результате нарушения или нарушений Конвенции, которые Суд констатировал в его случае, и эти страдания не могут быть компенсированы исключительно выводами Суда. Соответственно, учитывая характер этих нарушений и конкретные обстоятельства каждого заявителя, Суд присуждает выплатить сумму в размере трех тысяч евро первой заявительнице, по 7 тысяч евро — второму заявителю и пятому заявителю и по 5 тысяч евро — третьему заявителю и четвертому заявителю в качестве компенсации причиненного им морального вреда.

B. По вопросу о судебных издержках и расходах

127. Во-первых, заявители требуют возместить понесенные ими судебные издержки и расходы в общем размере 289 тысяч шведских крон (приблизительно 31 тысяча евро), которые они заплатили своему адвокату за его работу по их делу (115 часов 35 минут из расчета две тысячи 500 шведских крон в час).

Во-вторых, адвокат заявителей требует выплаты определенной суммы в возмещение стоимости его работы в связи с «первой рабочей встречей» с третьим заявителем и с рядом других лиц.

128. Государство-ответчик утверждает, что судебные издержки и расходы, понесенные в связи с рассмотрением других дел, не имеют отношение к жалобе заявителей и не должны учитываться при определении размера выплат по настоящему делу. Относительно суммы, которую требуют заявители, государство-ответчик не оспаривает указанное ими количество часов, но считает, что почасовая ставка оплаты работы их адвоката является завышенной. Почасовая ставка, которая в настоящее время используется в рамках шведской системы оказания юридической помощи, составляет одну тысячу 286 шведских крон (включая НДС). Ввиду особого характера настоящего дела государство-ответчик может согласиться и с более высокой ставкой, но не более одной тысячи 800 шведских крон в час. Соответственно, в случае, если Европейский Суд признает, что в настоящем деле было допущено нарушение Конвенции, оно готово заплатить 208 тысяч шведских крон (приблизительно 22 тысячи евро) в качестве возмещения всех понесенных заявителями судебных издержек.

129. Европейский Суд будет рассматривать изложенные выше требования в свете критериев, вытекающих из его практики, как-то: были ли судебные издержки и расходы фактически понесены, были ли они необходимы для предотвращения ущерба от установленного Судом нарушения Конвенции или для получения компенсации такого ущерба и не превышали ли они разумных пределов.

Соответственно, Европейский Суд отклоняет второе требование заявителей о компенсации. Что же касается первого требования, то Суд не убежден в обоснованности почасовой ставки оплаты работы их адвоката и количества затраченных им часов. Исходя из принципа справедливости, Суд присуждает всем заявителям в совокупности 20 тысяч евро в качестве возмещения понесенных ими судебных издержек и расходов.

C. Процентная ставка при просрочке платежей

130. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции в отношении второго заявителя, третьего заявителя, четвертого заявителя и пятого заявителя, но не в отношении первой заявительницы;

2. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение требований статьи 10 и статьи 11 Конвенции в отношении второго заявителя, третьего заявителя, четвертого заявителя и пятого заявителя, но не в отношении первой заявительницы;

3. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции в отношении каждого заявителя;

4. *постановил,*

(a) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить указанные ниже суммы:

(i) в качестве компенсации морального вреда: 3000 (три тысячи) евро первой заявительнице; по 7000 (семь тысяч) евро второму заявителю и пятому заявителю, а также по 5000 (пять тысяч) евро третьему заявителю и четвертому заявителю;

(ii) в качестве возмещения судебных издержек и расходов: 20 000 (двадцать тысяч) евро всем заявителям в совокупности;

(iii) любые налоги, подлежащие уплате с указанных сумм.

(b) что с момента истечения указанного трехмесячного срока и до момента фактической выплаты указанных сумм на них начисляются и подлежат выплате заявителям штрафные санкции, рассчитываемые как простые проценты по предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка плюс три процента;

5. *отклонил* остальные требования заявителей о справедливой компенсации (принято единогласно).

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 6 июня 2006 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

С. Долле,
Секретарь Секции Суда

Ж.-П. Коста,
Председатель Палаты

Перевод с английского языка.
© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Настоящий перевод выполнен и опубликован при финансовой поддержке Совета Европы